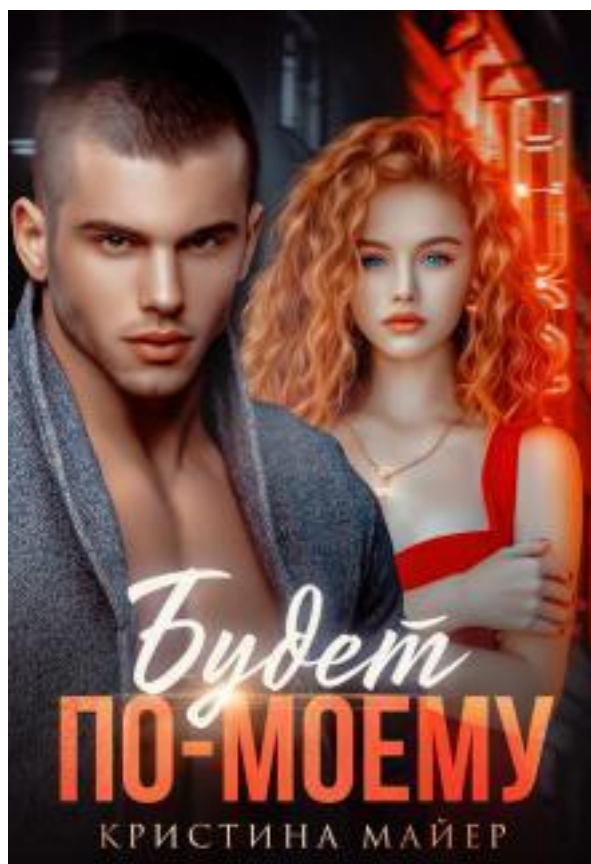




# Кристина Майер

## Будет по-моему

<https://litres.ru/74694809>

### Аннотация

Для него не существует запретов. Никто не смеет сказать ему «нет», ослушаться приказа. А она посмела. Нарушала установленные им правила. Отказала... и не раз. Смогла тем самым заинтересовать, увлечь. Что может быть хуже для правильной девочки, чем привлечь внимание отморозка, который держит в страхе весь университет? Хуже – если этот богатый подонок влюбится в нее...

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Глава 2                           | 17 |
| Глава 3                           | 25 |
| Глава 4                           | 31 |
| Глава 5                           | 35 |
| Глава 6                           | 40 |
| Глава 7                           | 44 |
| Глава 8                           | 49 |
| Глава 9                           | 53 |
| Глава 10                          | 58 |
| Глава 11                          | 63 |
| Глава 12                          | 68 |
| Глава 13                          | 73 |
| Глава 14                          | 79 |
| Глава 15                          | 85 |
| Глава 16                          | 90 |
| Глава 17                          | 94 |
| Глава 18                          | 98 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 99 |

# Глава 1

## *Злата*

От общежития до университета оставалось пройти не больше ста пятидесяти метров, но если не ускорюсь, могу опоздать. Еще раз просмотрев реферат, убедилась, что все отлично. Сложила листы в новенький файл, затем в папку. Не понравится Меленчуку оформление, он может выбросить работу в мусор, даже не открыв. Я подготовила отличный реферат, тут ни к чему не придрататься. Пусть только попробует поставить «неуд»...

Прошло всего лишь две недели с начала учебного года, а у меня уже две задолженности по экономической теории. Если Меленчук не примет мою работу и не позволит сдать отработки по двум другим до конца семестра, то меня не допустят до экзамена. Противный преподаватель не расположен идти мне навстречу. Не удивлюсь, если ни одной работы и дальше не зачет.

Не хочешь или не можешь учиться – плати. Платить за учебу я не могла. В нашем университете цена взятки – квартира на окраине Москвы. А я всего лишь девочка, вытянувшая счастливый билет. Девочка, которая попала на бюджетное место в самое крутое и престижное высшее учебное заведение страны. Откуда у меня деньги, чтобы заплатить лысеющему самоперу, который на каждом занятии пытается

доказать, что я бездарь и тупица? Самое обидное, что это не так. Я окончила школу с медалью, сдала самостоятельно ЕГЭ, получив высокие баллы, смогла на конкурсной основе получить здесь место. С совсем небольшой протекцией. И то лишь потому, что за других «бюджетников» тоже ходатайствовали.

Такими темпами к концу семестра я могу лишиться не только стипендии, но и комнаты в общежитии. Кто будет оплачивать мне съемное жилье? Родители каждый месяц обещали переводить небольшую сумму на карту, но этих денег точно не хватит, чтобы снять даже кровать в элитном поселке. Да и кровати здесь не сдают, только коттеджи премиум-класса.

Нужно сделать все, чтобы Меленчук перестал ко мне цепляться. Почему этот гад так меня невзлюбил? Что я ему сделала? Вот прямо с первого дня возненавидел! Скорчил при виде меня такое лицо, будто мы раньше с ним где-то встречались, и я его сильно обидела. Но ведь мы нигде не могли пересечься. Внешность преподавателя незапоминающаяся, я могла и не обратить внимания на него, но точно знаю: ничего плохого сделать ему не могла.

— Слишком довольное лицо у вас, студентка... Алаева, — выдавал пренебрежительно, выдерживая театральную паузу. — Улыбаетесь постоянно, а в голове страусиный помет, — вызывая своими оскорбительными репликами смех среди однокурсников. Теперь и улыбки под запретом, а ведь мама

говорила, что моя улыбка может растопить даже каменное сердце. Это она Меленчука не видела. Кремень, а не мужик. Это я, конечно, с сарказмом.

Почему помет именно страусиный, я так и не поняла. То ли любовь у Меленчука к этим птицам, то ли меня сильнее задеть пытался. Я чуть гуглить не полезла, интересно даже стало взглянуть, с чем сравнивают мой ум, но в последний момент одернула себя. Не буду вестись на провокации. Тем более они продолжались, а я себя пометом не считала.

Иногда хотелось ответить на оскорбления, указать, что взрослый мужчина с ученой степенью мог бы более корректно выражаться, используя для этого богатый словарный запас, но Марфа хватала меня за бедро, оставляя на коже синяки, и умоляюще шипела:

— Молчи-и-и.

Марфа выяснила у кого-то из старшекурсников, что Меленчук Игорь Андреевич – любитель брать взятки. Даже за обычные тесты и контрольные у него есть ставка, но напрямую он не возьмет. Самой мне к нему подходить вообще не стоит, неизвестно, как может поступить. Да и денег у меня нет. Нужно понять природу его ненависти и постараться исправить отношение ко мне, другого выхода нет.

Добродушное настроение у Игоря Андреевича исчезает при виде меня. Меленчук единственный препод, который плохо ко мне отнесся. Может, ему, как и моим однокурсникам, не нравится, что я не из мажоров? Не отношусь к элите?

Но Марфу ведь он не трогает!

Каждый раз, когда у нас в расписании стоит лекция Меленчука, ни о чем другом думать не получается. Такое отношение ко мне малознакомого человека деморализует. Иногда думаю задержаться после пары и поговорить открыто, но не могу себя заставить. Несколько раз ловила на себе взгляд преподавателя, когда он этого не ожидал, и меня озноб пробирал. Не могу описать, как она меня смотрел, но становилось тошно.

За две недели меня так отвратило от экономической теории, что трусливое желание сбежать не оставляло ни на секунду, но я понимала, что подобным поступком только добавлю себе проблем. Идти на пару надо! И лучше поторопиться, потому что после звонка в аудиторию меня не пустят. Плюс еще одна отработка. Заставляю себя идти быстрее.

Рев двигателей разрушает идеалистическую мирную картину. Кованые высокие ворота открыты постоянно, но машинам въезд на территорию запрещен, поэтому я продолжаю движение, не обращая внимания на шум. Мажоры часто позволяют себе гонять по дорогам вокруг учебного городка, тестируют свои крутые тачки, соревнуясь между собой.

Спешу, потому что до начала лекции остается восемь минут, а мне еще на второй этаж подняться и до нужной аудитории дойти. Времени достаточно, но не хочу столкнуться с Меленчуком в дверях.

— Тормози, рыжая, — догоняя меня, кричит в спину

Славка. Славкой я его только мысленно называю, для всех он Вячеслав. Даже для друзей.

Мне совсем не хочется с ним общаться, но он не отстанет. Может и пошлости начать кричать. Он не раз так делал. А я останавливалась, чтобы не привлекать к нам ненужного внимания. Он это понял, теперь бессовестно пользуется. Знает, что в такие моменты мне от стыда провалиться сквозь землю хочется.

Я замедляюсь, оборачиваюсь, Славка обходит пышную клумбу, но внезапно останавливается, когда рев двигателей резко приближается. Студенты, сидевшие во дворе на лавочках и у входа на крыльце, подскакивают со своих мест и фокусируют взгляд на площадке перед главным зданием, где стоит знак запрета на парковку, и где до сих пор стою я.

Два гоночных спорткара на скорости въезжают в ворота. Я просто застываю столбом и забываю, что нужно дышать. В голове бьется мысль – «бежать!», и я хочу поддаться порыву, но понимаю, что не успею. В последний момент вспоминаю слова отца, что в такой ситуации лучше оставаться на месте, не путать водителя, а тут их сразу два. Зажмуривая глаза, сжимаю кулаки до кровавых полумесяцев на коже ладоней.

Реально страшно. Одновременно с обеих сторон мимо меня несутся машины. Пролетают в такой близости, что поток воздуха может сбить с ног, он способен раздавить, не оставив от меня ничего. Сердце вырывается из груди, шум крови в голове, как следствие – к горлу подкатывает тошнота.

Мне кажется, я даже почувствовала легкое касание металла к своей одежде. Ткань пришла в движение, рубашка облепила тело, юбка задралась, но я вовремя успела поймать ее ладонями.

Разве правилами не запрещен въезд на территорию университета? Разве не стоит знак на проезжей части, что скорость ограничена?!

— Ты в порядке? — Славка оказался возле меня раньше, чем я отмерла.

Мы не были приятелями. Он мне постоянно гадости говорил, от которых я чувствовала себя замаранной, грязной. Сложно не обращать внимания на пошлые предложения, но я не могла противостоять сыну депутата, поэтому старалась игнорировать его выпады.

— Да, — вырвала свою руку и отстранилась, потому что Славка, воспользовавшись моментом, хотел меня обнять. Утешитель нашелся!

На самом деле я не была в порядке. Меня чуть не переехали и даже не извинились, не спросили, все ли со мной в порядке. Никакой реакции, будто и не заметили. А я с места сойти не могу, ноги в землю вросли, а тело парализовало.

Я посмотрела в сторону припарковавшихся прямо у здания спорткаров. Один из парней вышел из машины, прислонился к двери, которая плавно захлопнулась секундой ранее. В руках у него была сигарета, он поднес ее ко рту, затянулся. Запрокинув голову, вверх медленно выпустил сизую струю

дыма. Позже я не смогу себе объяснить, почему залипла на этом движении. Все в нем кричало о силе и уверенности в себе. На него сложно было не обратить внимания.

— Пошли, — потянул Славка. — Не смотри в их сторону, — негромко, но при этом нервно произнес однокурсник, жестко дергая меня за локоть.

Боль рассеяла иллюзию, теперь этот высокий крепкий парень не казался мне привлекательным хищником. Скорее он был опасен, а слова Славки это только подтвердили.

Я не стала слушать однокурсника. Мне хотелось сказать пару слов безответственным мажорам, которые рискуют жизнью окружающих.

— Рыжая, я из-за тебя сдохнуть не хочу, — процедил сквозь зубы Слава. — Ты мне даже не дала ни разу, чтобы я за тебя впрягался. Валим отсюда, пока они не заметили твое недовольное лицо.

— А мне что — улыбаться надо? Меня чудом не переехали, — повышая голос, потому что сейчас меня всю трясло, и это не только из-за возмущения.

— Не переехали, и радуйся, — отшатнувшись, я двинулась в сторону парней, но Славка не отставал. — Да не переехали бы они тебя, рыжая. Они профи. С ними никто в заездах не хочет учувствовать. Шансов ни у кого нет.

Однокурсник продолжал говорить, а я думала только о том, почему раньше я не видела этих мажоров. Студентов в «Прогрессе» хватает, но никто до этого дня не парковал-

ся перед зданием главного корпуса. Наверное, одни из тех, кто не спешил посещать занятия с самого начала учебного года, а все это время продолжал греться на пляжах элитных курортов.

— Ты меня вообще слушаешь? — повысил голос.

— Ты их боишься? — догадалась по поведению Славки. Вот поэтому и пытается отговорить. Меня чуть отпустило, но я все еще была зла, а у меня совсем мало времени до начала лекции.

— Найди мне хоть одного человека, который не боится Шахова и Кайсынова? — усмехнулся однокурсник как-то зло. — Они тут боги. Им слова никто поперек не скажет. Понаблюдай, им в глаза боятся смотреть, чтобы за вызов не посчитали. А здесь не простые смертные учатся. Такие, как ты, конечно, не в счет, — добавил в конце яда, указав на мое положение. — Идем, а то на пару опоздаем, — тверже произнес он.

«Все боятся», — вертелось в голове. Наверное, Славка прав. Мне не следует к ним лезть. Осталась жива, надо радоваться. Не стоит добавлять проблем. Меленчука за глаза хватает.

Если этим студентам можно нарушать правила, гонять на скорости, парковаться у центрального входа и открыто курить под окнами ректора, не обращая внимания на запрет — ведь для этого существуют специально отведенные места, то мне лучше не соваться с воспитательными беседами. Добав-

лю себе проблем, а изменить ничего не смогу. Не глядя в их сторону, обходя клумбу, пошла к главному корпусу.

Неожиданно на дорожку выскочила белка и пронеслась мимо нас. Я на миг застыла, наблюдая за зверьком. Смешная. Улыбка непроизвольно появляется на лице, но она сходит, когда я чувствую на себе чужой взгляд. Меня словно тяжестью придавливает.

Озираюсь в поисках того, кто вызывает мороз по коже. Резко оборачиваюсь – за спиной никого. Впереди стоят мажоры в компании друзей, на меня смотрит тот, кто пару минут назад чуть меня не сбил, а потом вышел из машины и продолжил курить.

Он продолжает, не стесняясь, разглядывать меня и почему-то злиться. По крайней мере, мне так кажется, потому что смотрит он недобро. Зло ухмыляется, будто зверь скалится. Но это и близко не так, как смотрит Меленчук. От взгляда незнакомца у меня внутри все покрывается колючим льдом, а инстинкты подают сигналы «опасно! не подходить!». Славка прав, лучше держаться от них подальше.

Девчонки, что проходят мимо мажоров, бросают на них заинтересованные взгляды, улыбаются, пытаются поймать хоть какой-то знак внимания, но все мимо. Не спорю, он действительно красив. Высокий, широкоплечий, спортивного телосложения. Под рубашкой кубиков не разглядеть, но в том, что они там есть, я не сомневаюсь. Парень явно регулярно тренируется. Даже мой обывательский взгляд спо-

собен это понять. Лицо породистое, словно самой природой вылеплен идеальный мужской образец. Прямой нос, волевой подбородок, четко очерченные скулы, губы красивые, будто их кто-то очертил карандашом, нижняя чуть пухлее. Наверное, с ним приятно целоваться. Не успевает мысль появиться в моей голове, как я резко себя обрываю: «Нашла о чем думать!». С такого расстояния глаза парня не разглядеть. Его не портит короткая стрижка, он выглядит опасно, словно боец из элитного спецподразделения. И чем ближе я подхожу, тем отчетливее чувствую его хищную натуру.

«Не смотреть!» — даю себе установку.

Достаю телефон из кармана рюкзака и включаю дисплей. Осталось три минуты до начала занятий. Не получается проскочить мимо мажоров. Тот, что так меня пугает, резко выбрасывает руку, я не успеваю уловить движение, моя шея попадает в жесткий захват. Не вырваться, крепко держит, но при этом не причиняет боли. Но если начну сопротивляться, мне станет хуже. Он ничего не говорит, но вижу предупреждение в его глазах. Теперь могу хорошо их разглядеть, ведь он вынуждает легким нажатием задрать голову и встретиться с ним взглядом. Цвет радужки похож на расплавленный свинец.

— Ты кто? — грубо звучит вопрос, но при этом отмечаю, что голос у него красивый.

Мужской, с низкими нотами, будто лаской проходится по коже. Вот опять какие-то странные мысли и ассоциации рож-

даются в голове. Откуда это «ласкающий голос»? Разве голос может ласкать? Наверное, может, но это точно не про этого парня. Сейчас его глаза напоминают ртуть – опасный холодный металл. Взгляд становится темным, зрачок расплзается, закрывая радужку. Славка еще не сбежал, и это удивительно. Не держи меня мажор, я бы уже неслась отсюда как можно дальше.

— Руки убери, пожалуйста, мне неприятно, — вежливость дается непросто. Голос звучит ровно. Сама себе удивляюсь, ведь мне реально сейчас страшно. Никогда не думала, что попаду в такую ситуацию.

— А мне все равно, что тебе нравится, а что нет. Я задал вопрос, — чеканит каждое слово.

— Человек я. Пол женский, — я замечаю, как после моих слов удивленно вытягиваются лица его друзей, а взгляд мажора становится еще темнее, если это вообще возможно. — Семнадцать лет отроду, — продолжаю говорить. Со стороны, наверное, кажется, что я очень смелая и решила пошутить, но это не совсем так. Я просто не знаю, что он от меня хочет.

О том, что через несколько дней мне исполнится восемнадцать, сообщать не спешу, будто от него меня может защитить мое несовершеннолетие. Да такому плевать на запреты, законы и чужое мнение. Он сделает то, что захочет. Он чуть сильнее сжимает горло, а я продолжаю его злить.

— Студентка первого курса экономического факультета.

Есть оба родителя. Мама и папа. Про них рассказывать?

Я жалею, что привлекла внимание этого высокомерного недоноска. Прожигателя жизни, для которого самым большим достижением является достать из кармана ключи от дорогого автомобиля, запрыгнуть в салон и вдавить педаль газа в пол.

Он едва заметно кивает головой. Искоса осматриваюсь, обзор небольшой, но я замечаю, что вокруг нас никого нет. Все отошли, оставив нас вдвоем. Его послушались, а ведь он и слова не сказал. Могло бы показаться фантастикой, если бы не слова Славки, что этого парня, как его там... Кайсынов – все боятся. Однокурсника тоже не вижу. Сбежал, трус? У широких открытых дверей, подперев стену, стоит лишь второй гонщик – Шахов, если правильно запомнила. Не обращая на нас внимания, будто ничего странного не происходит, он ковыряется в телефоне. Краем сознания отмечаю, что он тоже высок и привлекателен, и тут же себя одергиваю. Нашла чьей внешностью любоваться!

— Ты бессмертная? — разрывает своим голосом повисшую после моих слов тишину. Усмехается, но в глазах такая темнота, что пробую отшатнуться, захват на моей шее становится крепче.

— Обычная, — пытаюсь пожать плечами.

— Бросаешь вызов? — скулы дергаются, глаза сужаются, будто так он лучше рассмотрит букашку, которая посмела рот открыть. Неужели еще сильнее разозлился? Я ведь ниче-

го такого не сказала. — Смотри не пожалей, дерзкая, — наконец-то убирает руку. Хочется растереть место, где только что его пальцы сжимали мою шею. Кожу там до сих пор печет. — Пошла на пары. Бегом. После занятий увидимся, — припечатывает каждым словом. — Найдешь меня, — звучит как приговор, который обжалованию не подлежит.

«Я не собираюсь тебя искать, быдло!» — вслух озвучить смелости у меня не хватает. Мне стоит сделать все возможное и невозможное, чтобы мы больше не пересекались. Развернувшись, бегу на лекцию, как назло, уже звучит звонок.

## Глава 2

*Злата*

— Вот как, как ты умудрилась взбесить Кайсынова? Он только появился, а ты ему дорогу перешла! — бежал за мной Славка, выговаривая бред, который даже слушать не стоило.

Это я ему дорогу перешла?!

Думать о столкновении с мажорами мне было некогда, я боялась опоздать на лекцию. Точнее, я уже опаздывала и очень сильно из-за этого нервничала.

— Алаева, ты вообще слушаешь? — обогнав, Славка попытался меня остановить, преградив дорогу. — Я тебе, дуре, помочь пытаюсь. У меня сеструха на пятом курсе учится, я до того, как сюда попасть, много о ком слышал. Макар отморозок. Не нарывайся. Он твои выходки терпеть не станет.

О каких выходках шла речь, оставалось только догадываться. Наверное, когда парни на рыбачий крючок с леской цепляют край юбки и задирают ее, демонстрируя девичьи трусы, мне нужно поступать, как все – глупо хихикать? Съесть таблеточку за компанию? Толпой распивать в уборной спиртные напитки из горла? Или по первому требованию соглашаться сходить на одноразовое свидание? Чтобы какой-нибудь половозрелый идиот трепал на каждом углу мое имя и рассказывал, какой он крутой мужик? Я за две

недели многое уже видела, а еще больше слышала. Моя не самая примерная школа может считаться пуританской.

— Сахаров, отвали. Мне дела нет до... Ну, ты понял, до кого, — обошла его и побежала дальше.

— Не попадайся ему на глаза, — не отставал однокурсник. Я и так не собиралась мозолить глаза мажором. До появления этого Макара я тоже держалась от «золотых» мальчиков и девочек в стороне и сближаться не собиралась.

Меленчук еще не успел войти в аудиторию — склонившись над кипой бумаг, он стоял рядом с преподавателем английского и внимательно ее слушал.

— Заткнись, — шикнула на Славку. Скорее всего, он не ожидал с моей стороны грубости и такого напора, поэтому и послушался. Проскользнув за спинами преподавателей, я влетела в аудиторию. Сегодня нас было много. Объединили пары с безопасниками. На кафедре экономической безопасности основной костяк — парни. Заняв верхние ряды, они подкатывали к нашим девочкам, но делали это грубо и вульгарно.

— Цыпа, придешь сегодня к нам в гости? Обещаю, тебе понравится...

Были и более грубые высказывания, хотелось заткнуть уши. Славка не отставал, парни, наверное, подумали, что мы вместе, и избавили меня от выслушивания тупых подкатов. За это Сахарова стоило бы поблагодарить.

Не останавливаясь, я прошла до задних рядов, где оказа-

лось самое большое скопление парней, превосходящих меня габаритами. Спряталась в крайнем ряду у самой стены. Сегодня вряд ли я не выстою против Меленчука.

Все-таки встреча с хамом дестабилизировала и так не слишком уравновешенное внутреннее состояние. Славка еще масла... или, точнее, канистру бензина подлил, а встреча с ненавистным преподавателем в коридоре довела до того, что меня стало знобить. Это нервное, но вряд ли Меленчук войдет в мое положение и не будет сегодня гнобить. Мне нужно хотя бы несколько минут отсидеться в тишине и немного успокоиться. В таком состоянии ни одного предложения из подготовленного реферата не вспомню.

— Ты что здесь спряталась? — поднялась со второго ряда Марфа и пересела ко мне. Меленчук все еще не появился в аудитории. От необходимости отвечать подруге меня избавил Славка, который, поздоровавшись с парнями, приземлился рядом со мной.

— Вячеслав, ни слова, — помотав головой. — Я прошу, — сквозь зубы, когда заметила, что он не согласен и собирается что-то сказать. — Мне нужна тишина.

— Меленчук, — шепнула нам Марфа. Разговор сам собой прекратился, не все «золотые» девочки и мальчики могли вести себя, как этот Макар — плевать на правила. Как и в любом учебном заведении, на занятиях студенты обязаны были заниматься. Авторитет преподавателя не подвергался сомнению, по крайней мере на нашем курсе.

Меленчук буквально сканировал взглядом аудиторию, словно кого-то выискивал. Сжавшись, я пригнулась к парте, чтобы он меня не заметил. Передо мной сидел крупный мальчишка, развороту его плеч наверняка завидуют все парни на курсе. Лишь бы мои яркие рыжие волосы ниоткуда не высунулись. Прижав руки к голове, попыталась пригладить свои локоны к затылку, а то вечно топорщатся. Ладно рыжая, так еще и кучерявая.

— Сегодня проведем переключку, — удивил нас Игорь Андреевич. Ни разу он даже список отсутствующих не потребовал у старосты, а тут лично собрался «небылы» ставить? Гад! Точно из-за меня. Не станет ведь ходить между рядами, долго разглядывать студентов не комильфо, вот он и решил выяснить, здесь я или нет.

А я, как назло, в начале списка. Стоит ли удивляться, что начал он с нашего журнала. Можно не прятаться. Выпрямилась, но меня все равно не было видно. Первая фамилия, вторая... И вот наконец третья:

— Алаева? — голос сочился недовольством даже от простого упоминания моей фамилии.

— Здесь! — поднялась на ноги, мы встретились взглядами, я постаралась не показывать своей неприязни, а Игорь Андреевич ее и не скрывал. Он даже не сказал «садитесь», и как только его взгляд вернулся к журналу, я опустилась на лавку.

Гад, точно из-за меня все это устроил. Дальше по списку

пробежался так быстро, что едва ли успел услышать от каждого пресловутое «здесь».

— Времени эта процедура много отнимает, — откинул в сторону наш журнал, так и не притронувшись к журналу безопасников. — Перед началом каждого занятия чтобы у меня на столе лежал список отсутствующих, — и посмотрел на старосту так, будто она в чем-то виновата.

Я уже не сомневалась, что сейчас меня вызовут за кафедру. Так и есть, первой раскрывать тему, по которой писала реферат, вышла я. Стоит ли упоминать, что эмоционально я была не готова. Марфа прошептала какие-то ободряющие слова, но по выражению ее лица было видно, что в положительный исход она не верит. Сегодня меня будут унижать еще и при безопасниках. В какой-то момент мне стало все равно. Я выгорела, внутри образовалась какая-то пустота, которую не хотелось прогонять, потому что иначе я расплачусь прямо при всех.

«Подумаешь, исключат, — пока спускалась к кафедре, проговорила я про себя. — Жива, здорова. Руки, ноги, голова на месте. Поступлю в другой вуз. Не буду видеть Меленчука. А в этом что-то есть...» — аутотренинг помог.

Не открывая реферат, я пересказывала содержимое. Меленчук давил на меня своим взглядом и таким выражением лица, будто я несу бред. Но мне все равно. Все равно...

— У меня все, — прямо посмотрела на преподавателя.

На его высоком с залысинами по бокам лбу блестели кап-

ли пота. Кончики редких волос повисли потными сосульками. Даже очки запотели, чтобы увидеть его блеклые невыразительные глаза, нужно было вглядываться, но я этого не делала. Мне и так хорошо известно, что сейчас Меленчук смотрит на меня с раздражением. С трудом сдерживается, чтобы не кривить толстые губы. Только свой безвольный подбородок выпячивает, что смотрится нелепо. Ну нет в нем мужественности и харизмы, и все эти brutальные ужимки явно не для него. В памяти появилось лицо Кайсынова, вот кому не нужно ничего изображать, тестостероном от него несет за версту. Но я оборвала свои мысли, ведь все еще стояла за кафедрой и ждала дальнейших действий преподавателя.

Под взглядом Меленчука неудобно, но я выдержала. А вот теперь он скривил губы. Предвкушает, как будет надо мной издеваться, прежде чем задаст вопросы, которые совсем не по теме, но я подготовилась. Хорошо подготовилась. Отбилась. Одутловатое лицо будто еще больше раздулось от недовольства, хотя на самом деле лишь щеки преподавателя стали ярко-пунцовыми.

— Реферат на край стола, — кивнул Игорь Андреевич. Оценку не озвучил, а я была рада уже тому, что хотя бы не оскорблял. Даже не верилось. Неужели все закончилось? Не верится. Поднимаясь на последний ряд, я все ждала, что меня окликнут, а в спину прилетит какой-нибудь каверзный вопрос, на который не смогу ответить, и радостное «бездарность». Но этого не произошло. Заняла свое место, Марфа

сжала мою руку, выражая поддержку.

— Не расслабляйся, Алаева, — пригнувшись к парте, тихо произнес Славка, когда у кафедры отвечал другой студент. — Внук ректора в аудитории, поэтому Меленчук ослабил хватку. Не хочет, чтобы к его работе у руководства появились вопросы, — вот и объяснение почти лояльного отношения. Не зря я боялась радоваться раньше времени...

Будто проблем с Меленчуком мне было недостаточно, в коридоре наткнулась на Кайсынова. Подперев плечом стену, он слушал своего друга, стоящего напротив, и не обращал ни на кого внимания. Парни подходили и протягивали им руки, будто кланялись перед царями. Выражали почтение, в то время как им позволяли пресмыкаться. Я старалась держаться за спинами ребят, не смотреть в его сторону.

— Рыжая, — разлетелось по коридору его пренебрежительное обращение.

Все взгляды тут же были обращены в мою сторону. Вот же гадство! Я попробовала двигаться дальше, но это было делать, поскольку движение застопорилось. Надежды на то, что он обратился не ко мне, практически не было. Слишком редкий и яркий у меня цвет волос.

Он остался за моей спиной. Я специально не обернулась, хочет что-то сказать, пусть подойдет. Кайсынова получалось видеть только краем взгляда, он, оттолкнувшись от стены, подошел ко мне сзади. Стоял, ничего не говоря. Я заметила, как расходятся однокурсники. Опустив голову, сбегают.

Остались лишь несколько девчонок, с интересом за нами наблюдали, но даже их утянули более понятливые. Это каким взглядом нужно пройти, чтобы добиться такой реакции с виду здоровых адекватных молодых людей? Вот кто настоящий опасный хищник. Славка прав, не стоит таким людям переходить дорогу, но мне, видимо, уже не повезло.

— У меня есть имя, — тут бы мне умолкнуть, но я продолжила: — Я не собака, чтобы мне давали кличку, — говорила негромко, слышал меня только Кайсынов.

— Мне плевать, как тебя зовут, — опалил он дыханием, наклонившись к самому уху. — По щелчку будешь на задние лапы вскакивать, сука, и отзываться на шлюху...

# Глава 3

## *Злата*

Весь день прошел как в тумане. Сидела на парах, успевала записывать лекции за преподавателями, но в голове ничего не откладывалось. Я словно продолжала стоять в том коридоре и выслушивать оскорбления.

Я ушла, не обернувшись. Заставила двигаться парализованное ядовитыми словами тело. В школе часто прилетали девчонкам оскорбления, доставалось и мне, но никогда в них не звучало угрозы. Да и шлюхой меня до этого дня никто не называл. «Монашка» и «Целка» – вот что чаще всего звучало в мой адрес от ребят в школе, которые откуда-то были в курсе личной жизни каждой девчонки. Но тогда я могла за себя постоять, потребовать закрыть рот. Парни просто ржали или ухмылялись, не ввергали меня в ступор тоном своего голоса и темным опасным взглядом. Я не сомневалась, Макар выполнит угрозу. Наши школьные отморозки были милыми и пушистыми, если сравнивать их с Кайсыновым. У них был свой странный кодекс чести, и «хороших» девочек они не трогали. Этот парень был другим. Холодным, жестким, возможно, даже жестоким. Ему не было дела до чужого мнения, имели значение лишь его власть и авторитет. Я каким-то образом пошатнула его авторитет? Вроде нет. Тогда почему он прицепился ко мне?

— Злата, ты сама не своя после того, как тебя остановил этот парень. Его ведь зовут Макар? — в очередной раз попыталась завязать разговор Марфа. — Что он тебе сказал? Поделись, легче станет, — поставила подруга передо мной чашку только что заваренного чая.

— Марфа, я сама разберусь. Не лезь в это, — не знаю откуда, но было стойкое ощущение, что вмешивать в наше противостояние посторонних не стоит. Он не пощадит. Не позволит кому-то заступиться.

Как ей расскажешь, что мне хотелось дать этому нахалу пощечину, но инстинкт самосохранения просто вопил уйти, гордо подняв голову. Наверное, так плохо мне от того, что я проглотила оскорбление, не ответила, позволила лишь короткий осуждающий взгляд, который заставил дергаться желваки на его лице.

Не стала искать его после окончания занятий. Я помнила о предупреждении, но решила им пренебречь. Вряд ли он это так оставит...

— Он тебе предложил... переспать? Да? — заговорила Марфа, выдернув меня из моих невеселых мыслей. — Таким нельзя отказывать, — сама задала вопрос, сама нашла ответ. Раздражало, как она затаила дыхание в ожидании подтверждения ее догадки.

Мне говорить не хотелось. Такой вариант развития событий не стоит отмечать. Вряд ли Макар просто сделает меня объектом насмешек, вполне может прийти и до принуждения.

Я в такой ситуации никогда не была, даже не знаю, что стоит предпринять. Жаловаться в правоохранительные органы бесполезно, он даже еще ничего не сделал. Да и не думаю, что выйдет из этого толк. Наверняка в полиции его встретят красной ковровой дорожкой. До сих пор перед глазами картина, как он въехал на территорию ВУЗа, как раболепно смотрели в его сторону другие студенты. Мне все равно, почему его так боятся, сдаваться и уступать я не собираюсь, а там посмотрим.

— Злата, я тебе говорила, что нужно соглашаться на посвящение, — на стол грохнулась тарелка с вафлями. — Сейчас бы имели покровителей, и никто бы к тебе не сунулся, — на эту реплики Марфы даже отвечать не стоило.

Подруга с первых дней советует пройти какое-то посвящение и влиться в кружок мажоров. Другими словами, пройти через унижения, чтобы иметь доступ на золотые вечеринки, где можно бесплатно получить алкоголь, запрещенные вещества и кучу проблем в придачу.

— Нужно было сразу соглашаться, пока с отдыха не вернулись авторитеты, — Марфа на эмоциях дернула чашку и расплескала содержимое.

«Авторитеты»! Не университет, а криминальное учреждение.

— Одни сегодня вон появились... столько шуму наделали, — подруга косится на меня, ждет, что я поддержу разговор. — Ты как хочешь, а я соглашусь на посвящение. Поду-

маешь, выполняю их нелепые условия и буду спокойно учиться, это лучше, чем дрожать при виде этого Макара.

— Марфа, у тебя есть гарантия, что такой, как Макар, не тронет тебя только потому, что ты прошла посвящение? — начала с наезда. Это не на нее я так злилась, хотя и на Марфу тоже, остановиться уже не могла. — Я уверена, ему на это будет плевать. А если он сам придумает тебе задания, то ты еще и через унижения пройдешь, а каждая мразь позволит себе тыкать в тебя пальцем, — на эмоциях, не контролируя голос. Просто и так нервы на пределе, а тут рассуждения идиотские от взрослого человека. И вроде неглупая девчонка, а тоже пытается влезть в общество мажоров. Не понимает, что станет лишь объектом насмешек. Не будет она им ровней. — Мне хочется верить, что ты... хорошо подумаешь, прежде чем принять решение, — чуть не сказала «не дура», но вовремя исправилась.

Я сегодня отчетливо поняла: Макару закон не писан. Он не будет обращать внимания на какие-то студенческие правила, которые придумывают старшекурсники. Где гарантия, что он за ними не стоит? Поиздевается, а потом нарушит им же самим установленные порядки.

— Ты как хочешь, а я соглашусь, — с обидой в голосе. Наверное, я перегнула палку. Зря на ней сорвалась. — Можешь и дальше корчить из себя самую умную, посмотрим, какую пользу тебе это принесет. Будешь с отщепенцами об-

щаться. Если Меленчук тебя раньше из ВУЗа не выпрет.

После этих слов стало действительно обидно.

— Посвящение и мажоры проходят, у кого с деньгами туго и взнос заплатить не могут, — будто оправдываясь.

Еще одно странное условие — заплати и живи спокойно. И каждый год сумма взноса в клуб становится выше. В этом году там ставка, если верить Марфе, пять миллионов.

— Ты же говорила, что условия могут быть самыми разными. Были девушки... которых по кругу пускали, — мне даже произносить это было противно, не то что представлять. — А условие — заработать денег, переспав с несколькими парнями? Это же проституция. Ты на такое сможешь пойти? По твоим словам, заднюю дать не получится. Пойдешь на такое? — с вызовом. По натуре я добрый человек, но сейчас во мне будто проснулась вторая — темная сторона. Или ее разбудил один невоспитанный грубиян.

— Что касается этих абсурдных заданий, так они в первый год создания клуба были, их давно никто не назначал. Я с девчонками разговаривала, которые уже согласились пойти посвящение.

Во всю эту ерунду, не касающуюся учебы, я даже не думала вникать. Это Марфа все пытается сдружиться с теми, кто на «бюджетников» смотрит, как на отщепенцев. Меня их пренебрежение не задевает. Я поступила с конкретной целью — получить образование в престижном ВУЗе. Все эти клубы с их заданиями, вечеринки с пьяными студентами, секс без

обязательств или секс за протекцию меня не интересовали.

— Я хочу хорошо устроиться в жизни, понимаешь? — Марфа вылила в раковину чай, не будет со мной пить, разобиделась. — Столько лет отпахала в школе. Отличница, вечно на доске почета висела, во всех олимпиадах участвовала. Для чего? Чтобы во вшивой конторке работать за зарплату? Я хочу поймать золотого мальчика и жить в роскоши. Понимаешь, я поэтому хорошо училась, сидела ночами за книгами, чтобы сюда попасть! Сына олигарха поймать и на себе женить. И я добьюсь своего! У каждого свои приоритеты в жизни, я свой выбор сделала, и не лезь ко мне со своими нравоучениями, — бросила зло. Хлопнув дверью, скрылась в своей комнате.

Поругались на ровном месте. Мне пить чай расхотелось. Свою чашку я тоже вылила в раковину. С Марфой у нас была общая гостиная и кухня, спальня у каждого своя. Но напряжение после нашей ссоры повисло тяжелой ношей. Даже в спальне не могла расслабиться. Потянулась за телефоном, который оставила на зарядке. Пропущенный звонок от мамы, она старалась связываться каждый день, узнавать, как у меня дела, как прошел день. Сейчас мне не хотелось ни с кем говорить.

Открыла пропущенное сообщение, о котором оповещал значок сверху дисплея.

«Спустись. Жду внизу», — пришло семь минут назад с незнакомого номера.

## Глава 4

*Злата*

Свой номер телефона я старалась не раздавать налево и направо. Знали его лишь Марфа и староста группы. Конечно, мой номер записан в личном деле, но к нему ведь кто попало доступ не может получить? Славка уже вторую неделю выпрашивает, но я отказываюсь называть цифры. Хватит того, что он мне в социальных сетях постоянно пишет.

Окно в спальне выходило в парк, а вот из гостиной можно было увидеть вход и припаркованные рядом машины. Мне просто интересно стало, кто таким требовательным тоном общается со мной. В то, что кто-то ошибся номером, я не верила. Большинство парней в университете разговаривали в подобной манере: свысока, хамовато, требовательно, жестко. Девушкам, наверное, нравилось, поэтому они так быстро перенимали манеру друг у друга.

Свет в гостиной включать не стала. Вела себя, как шпион на секретном задании. Приблизившись к краю окна, не отодвигая штору, выглянула наружу. Вряд ли бы меня можно было заметить снизу, но я все равно перестраховывалась. Чувство тревоги не покидало, и подсознательно я знала, кто прислал мне сообщение. Возле спортивной машины, которая днем чуть меня не переехала, стоял Макар. Рукава рубашки закатаны по локоть, а из-за расстегнутых на груди

нескольких пуговиц казалось, что его торс почти полностью оголен.

Присев на край капота, он курил, рядом лежали пачка сигарет и телефон. Глубоко затянувшись, медленно выдыхал дым. Создавалось ощущение, что он злится, а привычный ритуал не помогает успокоиться. Взяв в свободную руку телефон, включил экран. Сжав пальцами непотушенную сигарету, растер ее порошок. Мое сердце сорвалось в галоп. Я поспешила в спальню, оттуда доносился звук входящего сообщения.

«Ты собираешься спускаться?» — прочла сообщение и вернулась к «наблюдательному пункту».

Макар выбил из пачки еще одну сигарету и прикурил. Мне хотелось, чтобы он уехал и больше не приезжал. Нам не о чем с ним разговаривать. Парень вызывал во мне тревогу. Каждый его жест кричал, что Макар опасен. Хищник, вышедший на охоту. Только я совсем не хотела стать его жертвой. До сих пор не могла поверить, что это происходит со мной, будто снится кошмар, а я никак не могу проснуться. Хотелось вернуть свою жизнь до встречи с Меленчуком и Кайсыновым. Где я улыбалась каждый день, радовалась мелочам, общалась с родителями по телефону, восторженно рассказывая о том, как прошел день. Сжав кулаки, вдохнула полные легкие воздуха, медленно выдохнула и написала.

«Нет», — отправила и стала наблюдать за реакцией. Ничего хорошего не ждала. Макар взял в руки телефон, как толь-

ко на него поступил сигнал. Прочитав, сжал в руке трубку, словно готов был на ней выплеснуть свою ярость. Вот как с этим психом общаться? Он меня не знает, я ему ничего плохого не сделала, откуда такое бешенство? Запрокинув голову, он стоял так какое-то время.

«Рыжая, не беси. Тебе не понравятся последствия. Выйди, поговорим!» — я не верила, что он хочет поговорить. От него волнами расходилось напряжение по всей округе. Он приехал, чтобы меня наказать.

Словно почувствовав мой взгляд, прошелся по окнам взглядом и остановился на том, где я стояла и пряталась за шторой. Я верила, что он способен мне отомстить за отказ. Что мне делать?

«За что ты на меня злишься?» — написала и отправила. Не глядя на реакцию парня, продолжала писать короткие сообщения и отправлять на его номер.

«Что я тебе сделала?»

«Я не шлюха!»

«Ты не имел права меня оскорблять», — то, что мне не удалось высказать в коридоре, но до сих пор кипело внутри, стало из меня выливаться.

«Нам не о чем с тобой говорить».

«Оставь меня в покое».

Отправив последнее послание, я хотела полностью отключить телефон, но не успела, пришел ответ.

«Спустишь и скажи в глаза, Рыжая, раз такая смелая».

«Если я прожду тебя до утра, а ты не спустишься, тебе п\*\*\*ц!»

Зачем ждать меня до утра? Чтобы распылить свою злость? Он вообще нормальный? Я его реально боюсь.

Марфа вышла из своей комнаты, бросив на меня обвиняющий взгляд, набрала стакан воды и скрылась за дверью спальни. Надеюсь, она не станет выглядывать из своего окна и не увидит Макара. Ужасный день. Внизу стоит псих и угрожает мне, с соседкой испортила отношения, теперь нигде нет покоя. Отключив мобильный, я какое-то время следила за Кайсыновым, он продолжал стоять внизу. Как мне завтра идти на учебу?..

# Глава 5

*Злата*

Я не выспалась. Да и как можно выспаться, если Кайсинов оказался реально сумасшедшим, выполнив свою угрозу – до утра проторчал под окнами общежития. Ворочаясь всю ночь, я несколько раз вставала, выглядывала тихонько. Он сидел в машине, дверь была открыта, будто на дворе лето. Пусть не поздняя осень, но вечерами уже прохладно, а он в одной рубашке. Наверное, его злость подогревала. У капота валялись окурки и смятая пачка из-под сигарет.

Я проспала тот момент, когда он уехал, но, встав с трудом под будильник в восемь утра, первым делом поспешила к окну, машины Макара там больше не было, но облегчения мне это не принесло. Я бы с удовольствием пропустила занятия, чтобы не попасться сегодня ему на глаза. Да только зарабатывать отработки с моим личным врагом-преподавателем я себе позволить не могла.

Марфа уже сходила в душ, который тоже был общим, и сейчас появилась в гостиной. Возникла неловкая пауза, никто из нас не спешил ее заполнять. Мозг плохо соображал после такой ночи, а подруга замялась у двери своей спальни. Вот так и стояли, молча глядя друг на друга.

— Я вчера была неправа, — первой заговорила она. — Но и ты тоже, Злата. Я не маленькая девочка и не дура, не надо

меня воспитывать. Родители восемнадцать лет воспитывали, хватит. Если совершу ошибку, то ты можешь молча позлорадствовать, — добавила, смущенно улыбаясь.

— И ты меня прости, — двинулась к ней, и мы обнялись. Я поняла, что спорить и доказывать что-то смысла нет, каждая из нас останется при своем мнении. — Я не буду злорадствовать, — улыбнувшись в ответ.

— Иди в душ, а я пока нам что-нибудь соображу на завтрак.

От такого предложения не отказываются. Времени до начала занятий не так много, а опаздывать не хотелось. Пусть сегодня в расписании нет Меленчука, но с другими преподавателями отношения портить не стоит. Как говорится: сначала ты работаешь на репутацию, потом репутация работает на тебя.

Завтрак получился скудным – чай, печенье и маршмеллоу, который мы обе любили. Кофе закончился еще несколько дней назад, в небольшом холодильнике почти не было продуктов: кусок грудинки, пара морковок, луковица и несколько картофелин. Студенты-бюджетники не могли позволить себе есть в ресторанах и кафе, которых было предостаточно на территории учебного городка. Жить здесь могли только студенты и преподаватели. Для тех, кто хотел приехать навестить своего ребенка-студента, была предоставлена платная четырехзвездочная гостиница. Мажоры здесь не скучали и не голодали. В их распоряжении были также ноч-

ные клубы, бары. Обо всех сферах досуга я не знала, но было известно, что можно посещать бассейны и фитнес-клубы, где стоимость месячного абонеента равнялась зарплате моей мамы за год.

У меня выющиеся от природы волосы, поэтому укладка не требовала много времени и усилий: нанесла немного пенки и высушила, поджимая пальцами кончики локонов. Прическа на каждый день. Перебирая гардероб, искала, что надеть. Только здесь мне сообщили, что девушкам на занятия ходить в брюках и джинсах строго запрещается, только юбки и платья. А я для удобства перед отъездом накупила как раз то, что сейчас мертвым грузом лежало на полках – брюки, штаны, джинсы, ветровки, футболки... Пунктик в голове владельца «Прогресса». У частного ВУЗа были свои правила. Парням нельзя было носить сережки, пирсинг и тату на лице нельзя было никому. Я слышала, что отчислили девушку только за то, что она набила большую яркую тату на руку. Теперь если у кого из девушек и были татуировки, их прятали под одеждой. Таких было немного, основная часть предпочитала демонстрировать свое тело, облачая его в провокационные наряды.

Выбрала платье зеленого цвета с рукавом три четверти, на ноги балетки. На улице светило солнце, поэтому кофту брать не стала. Марфе я сказала, чтобы меня она не ждала. Если Кайсынов поджидает у ворот, то пусть она этого не видит. Я трусила, не хотела выходить, но, как известно, перед смертью

не надышишься.

Макара не было. Я опасливо крутила головой, думала, у меня сердце остановится, пока дойду до аудитории, в каждом рослом парне видела его. Телефон до сих пор не включала. Почитаю вечером, чтобы не портить себе настроение на весь день.

Две лекции прошли спокойно, в коридорах Кайсынова я ни разу не встретила. Наверное, отсыпается после бессонной ночи. Я не против, если ему для восстановления сил понадобится неделя.

— Идем в столовую, что-нибудь себе возьмем, — предложила Марфа. — На печеньях мы далеко не уедем, — смеясь.

Последние дни мы почти не готовили вечерами – нам много задавали, а если появлялся свободный час, хотелось отдохнуть. В столовой университета готовили вкусно, меню разнообразное, а главное – низкие цены. В столовую даже мажоры не брезговали ходить.

Взяв тарелку борща, порцию салата и стакан апельсинового сока, я поплелась за Марфой, которая как танк расчищала своим подносом нам проход к свободному столику. Не успели мы расставить еду, как напротив нас, не спрашивая разрешения, присели два парня. Мы с подругой переглянулись, но не ругаться ведь с ними.

— Познакомимся? — спросил один из них, нахально поглядывая на меня.

— Приятного аппетита, — вместо ответа. Ложку опустила

в тарелку борща.

— Дерзкая, как тебя зовут? — растягивая слова.

— Я пришла сюда поесть. Вам в детском саду не говорили: «когда я ем, я глух и нем»? — эти два идиота громко рассмеялись, привлекая к нам внимание. Не собиралась ждать, когда мой борщ остынет, игнорируя парней, принялась есть.

— Ты тоже не знакомишься? — обратился другой парень к Марфе. Не поднимая головы, я продолжала уплетать свой обед. Немного замявшись, подруга ответила:

— Нет.

Видно было, что парни из богатых семей, и Марфе было непросто отказывать им, но мысленно я ее похвалила.

— С нами лучше дружить...

— Свалили, — раздался жесткий холодный голос, пробирающий до самых костей. Мне даже смотреть не надо было, чтобы понять, кто стоит над нами...

## Глава 6

*Злата*

Стулья резко отъехали от стола. Минутой ранее такие бравые парни, опустив глаза в пол и спотыкаясь на ходу, шумно ретировались.

— А тебе персонально нужно говорить? — Марк смотрел на Марфу, но злился ведь наверняка на меня. Подруга бы уже давно сбежала, я видела, как побелели костяшки ее пальцев, она с такой силой сжала ложку, что я подумала, она ее согнет.

— Идем, — отодвинув стул, я встала из-за стола, но в лицо Кайсынова не смотрела. Он напоминал дикого пса. Если наши взгляды встретятся, он нападет. Это было лишь мое ощущение... и оно оказалось неверным, потому что этот отморозок все равно напал. Я не успела сделать шаг, как он занял мой стул и усадил меня к себе на колени.

— Пусти! — резко дернулась, но сильные руки даже сдвинуться с места не позволили. Пальцы впились в бедра, оставляя на коже следы.

«Теперь еще с синяками ходить!»

— Пошла вон! — рыкнул он на Марфу, у подруги испуг застыл в глазах.

— Иди, — одними губами, глазами дала понять, чтобы не задерживалась. От Кайсынова такие волны агрессии ис-

ходили, что ей лучше не становиться ему врагом. Бешеный, неуправляемый, агрессивный.

— Пусти, — на тон ниже, но сдаваться не собиралась. Я сгорала под любопытными, внимательными и завистливыми взглядами. Да, и таких было немало.

Дурочки, нашли чему завидовать. Забирайте! Только оттащите его от меня!

Впервые в жизни мне хотелось вцепиться человеку в лицо, расцарапать кожу, сделать больно. Злые слезы блестели на глазах, а щеки горели от переживаемого позора.

— Отпусти, — попыталась оторвать его пальцы от своих бедер.

— Дернешься еще раз, я тебя прямо здесь разложу и оттрахаю при всех, — процедил сквозь зубы мне на ухо.

У меня от его заявления сердце остановилось. Там, где оно раньше билось, сейчас просто жгло и болело. Я не хотела понимать, а тем более представлять то, о чем говорит отморозок.

Он сделает. Этот псих способен на все. И ведь никто не заступится, даже если я начну орать и звать на помощь. Лица студентов застыли ожидающими масками. Всем хотелось представления, и Макар способен был их позабавить, надругавшись надо мной.

«Нет, нет, нет и нет! Он не посмеет. Во мне говорит страх. Люди себя так не ведут. Даже такие отморозки должны знать границы», — твердила я про себя, но успокоения мне это не

приносило. Слишком уверенным и жестким был тон Кайсынова.

Не поняла, что произошло, но народ стал подниматься и покидать столовую. Не могли они все разом закончить обед. Вряд ли Макар имеет такую власть, но в следующий момент все мысли вылетели из головы, когда мой мучитель заговорил:

— Я предупреждал? — его слова я пропустила мимо ушей, потому что его ладонь проникла под подол платья и поползла вверх. Другой рукой он перехватил меня за талию и прижал к себе с такой силой, что мне дышать было нечем.

Оставляя следы на его коже, пыталась удержать руку, которая бесцеремонно задирала платье и оглаживала бедра.

— Ты кого, сука, игнорировала? — продолжал зло нашептывать на ухо, сжимая до боли бедро и талию.

Не буду стонать, не доставлю ему радости.

— Кого ты вчера ночью послала? — допытывался Макар, с каждым словом все больше злясь.

— Отпусти. Ты делаешь мне больно, — от страха голос немного дрожал, а может, это от усилий, которые приходилось прилагать, чтобы его рука оставалась на месте и не ползла вверх.

— А могу сделать еще больнее, Злата, — протянул мое имя, будто покатал гласные на языке.

Если он узнал номер моего телефона, то не стоит удивляться, что и имя выяснил.

— Что ты от меня хочешь? — я уже не вырывалась, с ним лучше договориться. Но делать это было крайне сложно, потому что рука, покоящаяся на талии, оказалась на моей груди и сжала ее. Краем сознания я отметила, что у него красивые длинные пальцы, но не нежные, как у пианистов, а мужские...

Нашла о чем думать! Он пытается мой сосок отыскать сквозь поролон, а я о пальцах мужских размышляю! Какие бы идеальные они ни были, хозяин все равно полный придурок. Жаль, что сказать ему в лицо этого нельзя.

— Вчера мне хотелось извиниться, но теперь планы на тебя изменились. Выбирай: будешь моей личной шлюхой или работать на меня полумойкой...

# Глава 7

*Злата*

— Тебе доставляет удовольствие унижать тех, кто слабее тебя? — на его «заманчивое» предложение даже отвечать не собиралась. Выбора как такового там не было. Макар пытался унизить меня, растоптать гордость в пыль, показать место, которого, на его взгляд, я заслуживала.

— Если бы я делал то, что доставляет мне удовольствие, ты бы сейчас хрипела подо мной и пыталась расцарапать лицо... в конце, возможно, расслабилась и даже кончила на моем члене, — для убедительности двинул тазом, чтобы я могла в полной мере ощутить, что он не шутит. К ярости добавилось смущение, но не то, от которого щеки горят, а другое, от которого не знаешь, куда деться, хочется исчезнуть или провалиться сквозь землю. Выпуклость в его штанах ощутило давила на поясницу, я пыталась сползти пониже, чтобы разорвать контакт, когда слышала горячий шепот прямо в ухо: — Не верти задницей, пока я сам не решил за тебя, кем ты будешь.

— Никем, никем я для тебя не буду, — сжимая кулачки на столе, едва слышно, но при этом твердо произнесла я. В каждую букву старалась вложить всю ту ненависть, что сейчас к нему испытывала.

Ни один парень до сегодняшнего дня не позволял се-

бе так со мной разговаривать: открыто, пошло, вызывающе. Оскорбляя каждым произнесенным словом. Кайсынов измывался, доводил, подавлял. Он не знал жалости. Игнорировал любое «нет».

— Будешь, рыжая, — уверенно, вызывая своим тоном дрожь в теле. — И пока у тебя есть выбор, но это только пока. согласишься мыть полы у меня в квартире, пальцем не трону, а продолжишь и дальше морду от меня воротить, ляжешь сначала под меня...

— Ни под кого я не собираюсь ложиться, — прошипела и дернулась, вкладывая в рывок все оставшиеся силы, но легче было скалу с места сдвинуть. В этом гаде столько силы! — Оставь меня в покое, — я опасалась ему грубить, поэтому в голосе сквозила напускная вежливость.

— Не получится, рыжая. Теперь не получится. У тебя два дня, чтобы дать мне ответ, но не забывай, что в случае отказа я не буду таким добрым.

«Добрым? Да его все студенты боятся! Глаза в пол опускают, будто перед ними дон Корлеоне, восставший из мертвых!»

— Ты не знаешь значения этого слова, — я специально не обращалась к Макару по имени, чтобы исключить любую, даже самую мизерную, близость. Он чужак, враг, псих, от которого нужно держаться подальше.

Он не позволял уйти, молчал. В столовой повисла тишина, повара на кухне шуметь посудой боялись, замерли и ни-

чего не делали, хотя я знала, что они там. Вот он — показатель власти и жесткости этого отморозка. Пообедать ребятам не дал, свои хотелки и капризы превыше всего. Я не собиралась больше с ним разговаривать. Будем молчать. Первой не сдамся.

— Иди, — сказал минуты через три, будто понял, что между нами необъявленная война. Только я не радовалась победе. Она казалась мне ничтожной, ведь впереди столько сражений...

Не оглядываясь, я покинула столовую. Тишина за спиной будоражила каждый нерв, тревожила, напрягала. Свернув в коридор, я привалилась к стене, чтобы успокоить дыхание. Нужно дойти до туалета и умыться холодной водой. Ловила на себе заинтересованные взгляды, которые неимоверно раздражали.

«Оказывается, так мало нужно, чтобы стать «звездой» университета», — скептически подумала я.

Марфа, наверное, ждет у аудитории. Это хорошо, потому что мне нужно время, чтобы прийти в себя и придумать объяснение. Она не отстанет, а пересказывать все гадости, что наговорил мне Кайсынов, я не собиралась. Подруга заведет разговор о посвящении, а я еще больше разозлюсь. До начала новой пары было еще шесть минут. Мне хватит двух, чтобы дойти до нужного коридора, остальное время решила переждать в уборной. Не самое приятное место, но здесь было очень чисто. Курить в туалетах не разрешалось, для этого

были специально отведенные помещения на каждом этаже. Вспомнила Макара, которому закон не писан, и в душе вновь все всколыхнулось.

В уборной никого не было. Умывшись и промокнув лицо салфеткой, достала телефон. Теперь можно и включить. Как я и думала, куча звонков и несколько сообщений, которые я удалила, не читая, вместе с чатом, а номер телефона кинула в черный список. Мне неинтересно, что этот псих хотел мне сказать. Даже как-то легче на душе стало.

Ровно за две минуты до звонка покинула уборную, игнорируя чужое внимание, уверенной походкой двигалась к цели – нужной мне аудитории. Пусть смотрят и шепчутся, если больше заняться нечем. Через несколько дней новость приестся, и они зацепятся за что-то другое.

— Рыжая, привет, — дорогу мне перерезал высокий парень, явно старшекурсник. Отвечать ему не хотелось. Дерзкий взгляд нагло скользил по мне, задерживаясь на груди, ногах. Ухмылка на лице не располагала к душевным беседам с этим типом. Мажор – к бабке не ходи.

— Я могу пройти? — игнорируя приветствие.

— Слышал, тебя Кайсынов хочет поиметь? — громко. Я оглянулась, чтобы понять, насколько все плохо. Рядом никого не было. Еще один отморозок, от которого все бегут враспынную?

— Я такими сведениями не располагаю. Извини, на лекцию опаздываю, — попыталась его обойти. Не нравился он

мне.

— Я могу помочь. Реально помочь. Он к тебе не подойдет...

# Глава 8

## *Злата*

Три дня относительного спокойствия, если не считать семинар у Меленчука. Но даже там все прошло относительно спокойно. Игорь Андреевич не заваливал меня при очередном испытании, к моему удивлению, на защиту встал Славка. Однокурсник видел сцену в столовой, теперь мне казалось, что он меня жалеет. Во время семинара Славка демонстративно вытащил телефон и начал снимать на камеру мое очередное выступление у доски.

— Сахаров, вы вообще страх потеряли? — от злости жуя губы, обратился к однокурснику Игорь Андреевич, заметив в руках парня телефон.

— А что такого? Правилами ВУЗа не запрещено вести видеосъемку во время занятий, — Славка вообще наглый, а сейчас еще так наигранно выгибал брови, что Меленчука от злости перекосило, но, в отличие от меня, мажору он ничего не сделает. — Все достижения ВУЗа выкладываются в открытый доступ. Алаева у нас гордость курса, лучшая студентка, пример для подражания, выложу запись с ее выступлением на ютуб, пусть неучи просвещаются, — продолжил царапать нервы преподавателю. В душе я была благодарна Славке за поддержку, но понимала, что эта выходка аукнется мне.

— А с чего вы взяли, Сахаров, что Алаева лучшая студентка? — нервно дергая верхней губой, взвился преподаватель.

— Так ведь только лучших на каждой паре к трибуне вызывают, или я что-то не так понимаю? — Славка хлопал глазами, будто действительно не понимал. Он жестко стебал преподавателя, а тот ничего сделать не мог.

— Сахаров, может, тогда вы выйдете и ответите? — гаденько процедил сквозь зубы. Мне стало неловко, ведь Славка не самый примерный студент, а сейчас он из-за меня подставится.

— Когда подготовлюсь, обязательно выйду, отвечу, — твердо ответил он.

— Я ставлю вам «неуд», — решительно направился Меленчук к столу, где стоял компьютер с открытой вкладкой электронного журнала.

— Так у меня освобождение, можете в деканате уточнить, почему я имею законное право не посещать занятия и не готовиться, — в голосе однокурсника сквозило превосходство. Теперь он дерзко демонстрировал свою мажорскую природу.

— Уточню, уточню, — Меленчук неловко плюхнулся за стол.

Я слышала, что Славка к каким-то соревнованиям готовится по плаванию, будет наш ВУЗ представлять на региональном чемпионате. Наверное, получил в деканате освобождение. Он практически не бывает на первых парах, про-

водит время за утренней тренировкой.

Меленчук обозлился, но сделать ничего не мог в данный момент, но я не сомневалась: позже он отыграется, слишком глубока природа его ненависти ко мне. Понять бы еще, где я ему дорогу перешла.

Я чувствовала себя обязанной Славке, а это чувство я не любила. Настолько не любила, что когда мне предложили помощь в избавлении от Кайсынова, я отказалась. Как стало известно позже, правильно сделала.

Благодаря Славке я многое узнала о парнях. Кирилл Солонин – сын мэра и враг Кайсынова. Они друг друга с первого дня ненавидят. Постоянные конкуренты и соперники. Семье Макара, оказывается, принадлежит наш ВУЗ. Они здесь цари и властелины. Братья Кайсыновы ведут себя как хозяева. Теперь мне действительно страшно сталкиваться с Макаром, он ведь может по щелчку исключить меня из ВУЗа, испортить жизнь из прихоти. Кирилл единственный, кто не прогибается под Макара, и даже собрал свиту из мажоров вокруг себя. Славка говорил, что первые два года эти двое чуть ли не каждый день устраивали драки, желая прикончить друг друга, пока не вмешались их отцы. Теперь между парнями вроде как худой мир, но все знают и ждут, что будет еще война.

Макара я видела каждый день: в коридорах, когда выходила из аудитории, сидящим на лестнице или перилах, за рулем его машины – он продолжал нарушать правила и заез-

жать во двор. Кайсынов постоянно находился в окружении друзей и девушек, которые вечно крутились возле него. Высокая брюнетка с длинными ногами и шоколадным цветом кожи, полученным не от природы, а благодаря долгому нахождению на солнце, вообще от него не отлипала. Стараясь не привлекать к себе внимание, я искоса наблюдала за ними. Этих двоих явно связывали отношения, рука Макара похозяйски лежала на филейной части брюнетки, а ту это несколько не смущало. Тогда почему он донимал меня своими непристойными предложениями? Вывод напрашивался только один — пока его девушка где-то отдыхала, он хотел со мной развлечься. С ее возвращением Кайсынов успокоился и забыл обо мне. Над его «предложением» я не думала, а теперь в этом отпала необходимость.

— Ты куда? — спросила подругу, когда она неожиданно развернулась и стала удаляться от аудитории. — Марфа! — окликнула, потому что она не ответила.

— Я... у меня дела появились. Скажи, что я плохо себя почувствовала и пошла в медпункт, — на одном дыхании выдала она и куда-то убежала.

Тревожное чувство поселилось в душе. Поведение Марфы мне показалось странным. Перед тем как уйти, она ответила на звонок. Кто ей звонил? Что сказали? Вчера она вновь завела разговор о посвящении, надеюсь, подруга ни во что не вляпалась...

# Глава 9

*Злата*

Тревожное чувство росло в груди. Не получалось сосредоточиться на словах преподавателя, я впервые не участвовала в дискуссии, не задавала вопросов. Отчетливо осознавая, что с Марфой в эту минуту может происходить что-то плохое, не могла усидеть спокойно на месте.

Достав украдкой телефон из сумки, хотела написать ей сообщение или кинуть дозвон. Как лучше поступить? Вряд ли она сможет ответить мне. На включенном дисплее в углу горела иконка входящего сообщения. Не раздумывая, открыла. Номер неизвестный. Система предложила мне его заблокировать, если это спам. Желание возникло, но, увидев на заставке присланного видеоролика знакомое лицо, я покрылась холодным потом. Потушив экран, высоко подняла руку.

— Извините, пожалуйста, можно выйти? — нервничала, и это не укрылось от глаз преподавателя. Недовольно, но все-таки он кивнул в сторону двери. Наверное, подумал, что у меня живот прихватило. С животом все было в порядке, но меня подташнивало, сказывалось нервное напряжение.

Отпускать нас с занятий не любили, перемены делали большими для того, чтобы студенты не отвлекались во время занятий, но экстренные случаи никто не отменял.

Выскочив в коридор, я направилась в уборную, по доро-

ге запустила ролик, убавив звук. Марфа... дура! Что ты творишь?! Нужно ее найти. Вытащить оттуда, пока не случилось что-нибудь похуже. Она хоть знает, что ее снимают и рассылают это позорище студентам?

Еще раз запустила десятисекундный ролик, но теперь смотрела не на подругу, а на интерьер. Спортзал. Если не брать в расчет бассейн, их здесь три. У нас было два занятия, оба на стадионе. Я не могла понять, куда мне бежать. Может, обратиться к кому-нибудь из преподавателей? Не сделаю ли я этим хуже? Еще и себя подставляю.

Разум кричал в это не лезть. Я ведь не соглашалась на посвящение и как могла отговаривала Марфу. Засунула голову в пекло, пусть сама выбирается. Рассуждая так и ругая подругу, я тем не менее продолжала ее искать. Все спортзалы находятся на нулевом этаже, туда я и направилась. На помощь руководства не стоит рассчитывать. Если такое происходит постоянно, то они в курсе и закрывают на все глаза. Подставляю мажоров, мне здесь не жить. Нужно договариваться. Вряд ли такое удастся скрыть. Завтра ролик разлетится по сети, и он точно будет не десятисекундным...

Искать долго не пришлось. Направилась к двери, из-за которой лилась танцевальная музыка. Взявшись за ручку, не могла найти силы, чтобы дернуть дверь на себя. Ладонки вспотели, сердце жгло в груди. Страшно. До дрожи, до безумия. Хотелось развернуться и убежать, но я не смогу жить и делать вид, что ничего в этот день не произошло. Изнут-

ри доносились мужские голоса, смех. Они что-то кричали, свистели, подстегивали. Марфа, наверное, уже совсем раз-делась...

Я бы сошла с ума, окажись на ее месте. Как она решилась? Этот вопрос не выходил из головы. Появилась мысль включить камеру на телефоне. Не думаю, что это как-то поможет или защитит, но хоть какие-то доказательства беспредела удастся получить. На телефоне до сих пор был выключен звук, а в углу горела иконка нового входящего сообщения.

«Что ты под дверью мнешься? Входи!»

Я огляделась — никого нет. Тут вспомнила, что в коридорах установлены камеры, доступ к которым мало кто может получить. Только тот, кто с легкостью влез в мое личное дело.

Резко дернула на себя дверь и вошла. В присланном мне ролике Марфа скидывала с себя рубашку, сейчас она была в одном нижнем белье и со шваброй в руках танцевала перед парнями. На трибунах сидели человек тринадцать, не меньше, и подстегивали подругу двигаться. Марфа размазывала шваброй лужу воды на полу, нагибаясь и выставляя перед присутствующими голые ягодицы.

Мои щеки обдало жаром, будто это я стояла сейчас перед ними голая. Казалось, прошла вечность, а на самом деле всего пара секунд. Меня заметили. Свист и улюлюканье прекратились, внимание переключилось на меня, но никто пока не решался заговорить. Все косились на верхнюю трибуну. Ва-

ляжно привалившись к стене и раскинув согнутые в коленях ноги, тот, кто там сидел, смотрел в телефон, игнорируя происходящее.

— Ты зачем пришла? — подскочила ко мне Марфа, и в ее взгляде не было благодарности. Она попыталась шваброй прикрыть свое тело. Смотрелось это убого, ведь она только что перед толпой идиотов себя во всей красе выставляла. Неужели до сих пор продолжала рассчитывать на свадьбу с наследником олигарха? Да этим видео ей до конца дней в лицо тыкать будут!

— Потому что дура! Марфа, просто молчи, — тихо обрвала я ее.

Я злилась на Марфу, но еще сильнее злилась на Макара. Это все он подстроил, а теперь сидит и на нервы своим равнодушием действует. Они и так звенят от напряжения, еще немного — и я воспламенюсь, но позволить себе грубость я не могла. Понимала, что не могу окликнуть его, высказать все, что сейчас кипело в душе, потому что мы тогда отсюда не уйдем... целыми и невредимыми. Оставалось только ждать. Каждая секунда — вечность. Музыка смолкла, кто-то просто отключил ее, но Макар продолжал залипать в телефоне. Неужели там что-то важное? Нет там ничего важного, он просто действует на нервы!

Я все это время не сводила с него взгляда. Подруга тихо подошла к своим вещам и начала одеваться. Я уловила момент, когда Макар повернулся к парням, последовал почти

незаметный кивок, и они шумно покинули спортзал. Никто нас будто не замечал, не трогал, не оскорблял. На Марфу бросали похотливые взгляды, подленько усмехались, но не трогали.

Не глядя на нас, поднялся и Макар со своего места. Лениво спустился, на нас по-прежнему не смотрел – рассматривал что-то у себя под ногами, о чем-то думая. Пусть он выйдет за ними. Пусть уйдет...

— Пошла вон, шмара, — бросил он Марфе, пренебрежительно скривив лицо. Я не смотрела на подругу: увижу ее слезы – могу сорваться. Нельзя. Нужно держать себя в руках. — А ты останешься, — когда я попыталась уйти вслед за подругой, тихо произнес мне прямо в лицо...

# Глава 10

*Злата*

Вынужденно замираю. Чувствую себя запертой в клетке со зверем: пока не наиграется – не выпустит, не позволит уйти. Стоит рядом, вроде не так близко, а дышать нечем, выжигает вокруг нас весь кислород. Молча разглядывает, на его лице ноль эмоций, только в глазах ярость, режет свинцовым лезвием на куски.

Делает широкий шаг, я отступаю.

— Стой на месте, — холодно произносит. Хватает за руку, разжимает пальцы, сдавливающие изо всех сил трубку телефона.

— Ты что творишь? — хотела до последнего молчать, но от возмущения меня разрывает. Забрав мобильный, он прикладывает указательный палец к сканеру отпечатка. — Верни телефон, — вижу, что пробегается по контактам, лезет в настройки.

— Еще раз заблокируешь мой номер, последствия тебе не понравятся, — упирается в меня тяжелым взглядом, но телефон возвращает, больше ничего не проверяя. — Я жду ответ.

— Какой? — не совсем понимаю, о чем он говорит. Как можно ответить на угрозу? — Я закидываю в черный список все незнакомые номера, — на самом деле не все, но на-

вязчивые звонки из банка, рекламу разнообразных услуг и соцопросы блокирую.

— Ответ, который ты мне вчера должна была дать, — растягивает слова, будто разговаривает с умственно отсталой, только в голосе нет ни капли понимания, он нервнрует, заставляет сердце сбиваться с ритма. Мне вообще дышать рядом с ним сложно. Макар подавляет. — Согласна, чтобы я тебя трахал? — он говорит свободно, не запинаясь ни на одной букве, а меня просто убивают его тон и слова. Как можно так выражаться?

— Нет, я не согласна, — складываю перед собой руки, сжимаю изо всех сил телефон, чтобы они не дрожали. Защитный жест, но вряд ли он защитит меня от Кайсынова. Он просто прожигает пошлым взглядом мою грудь, рассматривает так, будто уже примеряется.

— Значит, будешь мыть полы и готовить мне пожарь, — это не вопрос, он ставит перед фактом.

— Не буду...

— Если не будешь, — пресекает зарождающийся бунт жестким тоном, — твоя подруга не стриптиз со шваброй исполнять будет, а полировать ртом члены, — размазывает меня своим обещанием. — Видео с ее выкрутасами я прямо сейчас выкину в открытый доступ. Как думаешь, сколько она здесь проучится? — просто добивает меня. У меня все тело немеет.

После увиденного не сомневаюсь, что так и будет. Макар

выполнит угрозу. Я вчера посмела проигнорировать его требование, как результат – пострадала моя подруга. Как мне Марфе в глаза смотреть? Он из-за меня ее унизил. Этот отморозок контролирует тут все. Какой же он отвратительный... и опасный. Находит слабые точки и бесцеремонно на них давит. Выяснил, что Марфа хочет втиснуться в их круг, и использовал это против меня.

— У тебя ведь есть девушка, зачем... ты это делаешь? — свой голос не узнаю, пропадают из него сила и уверенность, спотыкаюсь на словах. Брови Макара едва заметно дергаются вверх.

— Так ты вроде трахаться со мной отказалась, или я чего-то не понял? — кривит губы в ухмылке. — Как мои любовницы могут помешать тебе с уборкой? — издевается. — У них свои обязанности, у тебя другие.

Вульгарный! Отвратительный! Он сводит меня с ума своей грязной откровенностью. Рот бы ему зашить! Даже не стесняется признаваться, что изменяет своей девушке!

— Я еще ни на что не согласилась, — напоминаю ему.

— Непринципиально. Не согласишься сегодня, прибежишь ко мне завтра – просить за подругу. Только условия будут другими, — достает из заднего кармана телефон и, глядя мне в глаза, включает видео, уже загруженное на его страницу, но не выложенное в свободный доступ. Внутри все леденеет. Он один раз тыкнет пальцем – и испортит жизнь Марфе. Даже не поморщится и не испытает даже капли сожаления.

ния. Найдет способ и дальше на меня давить...

— Ты обещал не трогать меня, если соглашусь работать у тебя горничной, — в этот момент я переступаю через себя, убиваю в себе принципы.

Не знаю, как это решение отразится на моей учебе. Но и плевать, если с «обслугой» не захотят общаться. Выдержу, не сломаюсь. Я сюда не за женихом приехала, а учиться. Выучусь — и забуду все как страшный сон.

— Я не сплю с прислугой, — выдает спокойно. Не очень-то я ему верю.

— Дай мне слово.

«Если оно, конечно же, хоть чего-то стоит!»

— Поверишь, рыжая?

— У меня есть выбор?

— Нет у тебя выбора и никогда не было, — пытаюсь понять, что скрывается за этой фразой, но Макар отвлекает, продолжая говорить: — Пока сама не захочешь, в трусы не полезу, но если увижу, что течешь, не остановишь, — грубо выдает он.

— Ты можешь нормально разговаривать? — не выдерживаю.

— Нормально — это как? — насмехаясь.

— Без всей вот этой словесной грязи, — сквозь зубы.

— Ты просто не знаешь, что такое настоящая грязь, рыжужа, — в Макаре резко что-то меняется. Кожей ощущаю угрозу, исходящую от него, будто я задела что-то личное, дей-

ствительно страшное.

— У меня есть имя, — меня задевает его «рыжуля», но в данном случае я спешу сменить тему.

— Имя? — приподнимая бровь.

— Да. Меня зовут Злата, — мы оба знаем, что он в курсе, но продолжаем играть. Молчим какое-то время.

— После занятий встречаемся на входе, — твердо произносит и двигается на меня. — Буду тебя с новыми обязанностями знакомить... золотинка, — негромко выдыхает в лицо, заставляет кожу покрыться мурашками. Уходит, а у меня ощущение, что он не про уборку дома говорил...

# Глава 11

## *Злата*

Марфа со мной прекратила общаться. Вернувшись в аудиторию, сразу заметила, что она отсела. С людьми такое постоянно случается: не могут простить тех, кто наблюдал их позор. Причем на тех, перед кем позорились, не будет ни злости, ни обиды.

Я не жалела, что сорвалась с места и бросилась ей помогать. Все-таки издевался Макар над Марфой не только потому, что она идиотка, которая верит, что легкая и беззаботная жизнь существует – просто для этого нужно поймать богатого парня, а косвенно и по моей вине. Кайсынов не терпит отказов, не позволяет себя игнорировать, а я пыталась. Раздразнила зверя. Я пока не понимаю, чего он добивается, но на шантаже с Марфой он бы не остановился.

На перемене заглядываю в контакты, хочу написать Кайсынову, чтобы он скинул мне адрес, сама приеду к нему домой. Не стоит, чтобы нас с ним видели вместе. Если, конечно же, он не собирается объявлять, что я его личная прислуга. Не удивлюсь. Отморозок на многое способен. Меня до сих пор трясет от сцены в спортзале. В ушах стоит гул мужских голосов, их свист и улюлюканье, будто это я, а не Марфа стояла голая перед ними.

Кайсынов записал себя просто – Макар.

«Скинь адрес, я сама подъеду», — набираю сообщение и отправляю. Каждые несколько секунд проверяю, телефон на беззвучном режиме. Вижу, что прочитал, но отвечать не стал.

Он просто невыносим. Поднимает со дна души самые темные чувства. Заставляет переживать, нервничать, ненавидеть. Представить сложно, что сама полезу в пасть к хищнику, приду в его берлогу. Он ведь со мной способен сделать все что угодно. Мой разум посылает сигналы бедствия, а предчувствие сообщает, что Кайсынов человек слова. Вот откуда я это знаю? Может, мне просто хочется в это верить, чтобы не сойти тихонечко с ума?

— Ты что такая загруженная? — отставляя громко стул, рядом плюхается Славка. Рюкзак бросает на соседний стул.

Единственный плюс моего публичного сидения на коленях Кайсынова — больше в университете ко мне никто не приставал. Даже Солонин держался в стороне, хотя я часто ловила на себе его с прищуром взгляд, будто в нутро пытался заглянуть. Мой стол теперь всегда был свободен, если только из однокурсников кто-нибудь не подсаживался.

Я не отвечаю, делаю вид, что жую. Всем своим видом демонстрирую: «когда я ем, я глух и нем». Но Сахарова это не останавливает, он делает выводы и озвучивает:

— Из-за чего с Лузгиной посрались? — не испытывая неловкости, в лоб задает вопрос.

— Не сошлись во взглядах, — отвертеться не получится,

Славка приставучий. А еще мне не хочется, чтобы с этим вопросом он отправился к Марфе, почему-то уверена, ее ответ меня еще больше разочарует. Неправильно навешивать ярлыки, но Марфу за эти две с половиной недели я успела немного узнать.

— Неудивительно, — хмыкает под нос. — Вы абсолютно разные.

— Что ты имеешь в виду? — меня настораживает не ответ, а ехидное выражение его лица.

— Забудь, — стал резко серьезным и переключился на другую тему: — Лучше расскажи, что от тебя Таракан хочет?

— Кто? — первая мысль была, что он узнал о нашем договоре с Кайсыновым, но ведь даже смешно предположить, чтобы Макара кто-то посмел назвать тараканом. Вряд ли этот человек способен будет еще что-нибудь произнести.

— Меленчук, рыжая. Или тебя еще кто-то достает? — вроде улыбается, но перестает жевать и ждет.

— Я сама не знаю, что ему сделала, — решаю проигнорировать второй вопрос. — У него ко мне нелюбовь с первого взгляда, — скорчила морщку и улыбнулась, не привыкла жаловаться. — Ладно, ты доедай, а мне еще деньги на телефон закинуть надо, я до банкомата.

Не спешу после пар покидать аудиторию. Нервничаю ужасно. Хорошо хоть Славка на вечернюю тренировку спешил, не будет наблюдать, как я к Кайсынову в машину са-

жусь. Никому ничего не обязана доказывать, а все равно неловко. Зачем-то в зеркало смотрюсь, которое висит на стене за лестницей. Не знаю, кто придумал его здесь повесить, но очень удобно поправлять макияж и прическу.

Кайсынов стоит у машины. Курит, пуская в небо струйки дыма. Я подвисяю на несколько секунд, наблюдая за ним. Рукава закатаны, грудь оголена до середины, будто устал ходить застегнутым на все пуговицы. Дикий зверь, требующий свободы, вырвался наружу. Свободный, опасный. Напоминаю себе, что мне предстоит попасть в его логово. Волнение захлестывает, в висках пульсирует кровь, но я, не сворачивая в сторону, иду прямо к нему.

— Садись, — выкидывает в траву окурок еще до того, как я приблизилась. Открывает дверь. — Заедем в ресторан, заказ заберем, — спокойным тоном. Не знаю, чего я ждала, но его поведение разбивает все шаблоны о нем.

— У тебя гости будут? — осматриваю дорогуший салон.

Внутри витает запах парфюма, кожи и легкий аромат сигарет, который только что остался на одежде Макара. Удивительно, но меня не подташнивает, как обычно. Мне нравится запах. Вдыхаю полной грудью и еще раз убеждаюсь, что нет отторжения.

— Тебя кормить буду, — поворачивает голову в мою сторону. Мне кажется, что уголки его губ дергаются, но улыбка так и не появляется на лице.

— Зачем? — не могу не удивиться.

— Если ты ждала, что буду мучить и морить тебя голодом, то придется тебя разочаровать, — спокойно произносит, а я не знаю, как реагировать.

Он не вдавливая педаль газа в пол, едет спокойно. Может, я скорости не чувствую? Рассматриваю крепкие красивые руки, смущаясь, отворачиваюсь – вдруг заметит? Салон становится тесным. Температура перестает быть комфортной, жарко тут как-то.

— Золотинка, я задам вопрос, а ты ответишь на него честно, и мы пока закроем тему, — сбавляя немного скорость, он смотрит на меня.

— Какой вопрос? — во рту пересохло от волнения.

— Ты была уже с мужиком? — стоило забыться немного – и вот, лови откровенный вопрос. Мне кажется, я мотнула головой, но Кайсынов, видимо, не заметил, потому что уточняет: — Ты ведь нетронутая, Золотинка?.. — в тоне будто предупреждение, от взгляда мороз по коже бежит.

— Нет, — выдыхаю. Он еще какое-то время сканирует меня взглядом, а потом выдает серьезно:

— Умница.

И что это должно означать?

## Глава 12

*Злата*

— Проходи, — Макар держит в руках пакеты с едой и напитками, но придерживает для меня двери. Интересно, он со всей обслугой так любезен и обходителен?

— Ты мне сразу определи фронт работ, чтобы я могла быстрее закончить, мне еще заниматься надо, — голос держу ровно. Надеюсь, получается придерживаться делового тона.

— Сначала ты поешь, — припечатывает взглядом, пресекая любую попытку воспротивиться. — Здесь кухня, — поясняет очевидное.

— Кто с тобой живет? — я должна знать, с кем столкнусь, выработать определенную линию поведения. На мой непрофессиональный взгляд, лучше не пересекаться с жителями дома.

— Один, — звучит неожиданный ответ. Трехэтажный таунхаус для одного? — Иногда друзья остаются, — добавляет он. В голове рождаются картинки каждодневных вечеринок.

Чему я удивлялась, тут многие мажоры снимают коттеджи, есть и такие, кто может позволить себе вот такой дом. Вечеринки они проводят не только в барах.

— Громко думаешь, Золотинка, — усмехается Макар, вытаскивая из пакетов контейнеры.

— Ты о чем?

— Я не устраиваю у себя в доме массовых попок. Не терплю, когда трахаются на поверхностях, с которыми я взаимодействую. На такие случаи снимают жилье, Золотинка, — меня совсем не задевает прозвище, чему я не перестаю удивляться. — Я не буду есть за столом, на котором имели чью-то задницу, даже если его сто раз вымоют хлоркой. А если кто-то залезет в мою кровать, я и убить могу, — не вижу, чтобы он шутил. — Бухие, как правило, не заморачиваются, где спустить пар, — он говорит свободно, легко обсуждает интимные темы, а у меня лицо горит. Наверное, я не только громко думаю, раз он сумел прочитать мои мысли, но и слишком бурно реагирую на его слова. — Не красней, твоя задница исключение из правил.

— Из каких правил? — не понимаю, о чем речь.

— Догадайся, — кривит губы в ухмылке. — Твоя задница познакомится со всеми поверхности в моем доме, — твердо произносит, глаза горят диким огнем, обжигают, вызывают волнение в солнечном сплетении.

— Ты обещал... — голос от нахлынувших эмоций садится, ему не хватает силы.

— Обещал не трахать, пока сама не захочешь, а ты захочешь, Золотинка, — подходит вплотную, но не трогает. Заставляет нервничать, разгоняет по коже мурашки. Чувствую себя зайцем, которого загнал в угол матерый хищник.

— Не захочу, — чуть более твердо.

— Ты сама себя не знаешь, Злата, — в его порочном

взгляде обещание. Прикрыв глаза, он чуть подается вперед, вдыхает полной грудью. — Я в душ, накрой пока на стол, — резким тоном.

Нахожу тарелки, выполняю указания. Долго думаю, поставить себе тарелку или лучше продолжить отказываться. Кайсынов все равно настоит на своем, зачем усложнять? Пока его нет, осматриваю сверкающую чистотой кухню, заглядываю в гостиную, где нет ни пылинки. Идеальная чистота, которой позавидует операционный блок. И что тут убирать? Может, на верхних этажах не все так стерильно? Появляется мысль, что он меня сюда заманил...

Макар спускается вниз, входит в кухню, а я перестаю дышать. На нем только домашние штаны, низко сидящие на бедрах. У него на плече татуировка, которая спускается почти до локтя, хочу рассмотреть, но он стоит вполоборота, и мне плохо видно. Взглядом цепляюсь за его торс, прохожусь ниже... задерживаюсь на косых мышцах, проработанном прессе, опускаюсь по узкой дорожке темных волос к резинке штанов...

— Я все накрыла, — резко отворачиваюсь, ругая себя.

В школе ребята часто после физры снимали майки и, закинув их на шею, возвращались в раздевалку, но ни разу я не задержала на них взгляда. Даже мысли не было стоять и рассматривать, а ведь были ребята, активно занимающиеся спортом.

— Где нужно убраться? — сажусь за стол, первой загова-

риваю, чтобы отвлечься. Макар молчит, пока я не поднимаю взгляд от тарелки.

— Я могу надеть футболку, если это перестанет тебя нервировать, — он сидит напротив и внимательно смотрит на меня.

— Все нормально, я просто не ожидала.

— Дома я привык ходить так, как мне удобно.

Я с ним провела наедине не больше часа, но уже сделала несколько открытий. Кайсынов брезглив, любит идеальный порядок, ходит дома почти раздетым, а еще он может быть нормальным, хотя его агрессивная хищная натура всегда рядом, в любой момент может оскалить зубы.

— Золотинка, ты ведь не хочешь, чтобы я подсел и начал тебя кормить? Перестань думать и начинай есть.

Хотела бы послушаться, да не посмела. Я понимаю, почему Кайсынова одновременно боятся и уважают, у него сильная давящая энергетика, он взглядом, тоном, неуловимыми жестами подчиняет окружающих.

Едим в тишине, я почти не поднимаю от тарелки взгляда, но чувствую, что Макар следит.

— Гладить умеешь? — спрашивает, когда мы заканчиваем ужинать, и я убираю со стола.

— Умею.

— Погладишь мне несколько рубашек? — не требует, а интересуется.

— Я ведь здесь для того, чтобы мыть, стирать, убирать

и гладить, поэтому просто говори, что делать, — его вежливость меня настораживает, лучше бы вел себя, как раньше. Таким он начинает меня волновать, а это совсем не к месту.

— Золотинка, ты здесь совсем для других целей, но озвучивать их пока рано. Сбежишь...

# Глава 13

## *Злата*

Три дня, как я работаю в доме Макара. Работы больше не становится, в доме все так же идеально чисто, будто стоит какая-то установка по поглощению пыли. Все поверхности блестят. В мои обязанности входит съесть ужин, погладить несколько вещей, разложить одежду в гардеробной. Такое ощущение, что каждое утро в его шкафу случается маленький апокалипсис. Тут ведь все ровными рядами висит и аккуратными стопками лежит, зачем так переворачивать все? Хозяин-барин, хочется ему устроить хаос, он его устраивает, мое дело – за ним прибрать. Я свою часть соглашения выполняю, Макар тоже.

В наших отношениях есть небольшое потепление. По крайней мере страха я не испытываю больше, но продолжаю ощущать рядом с ним волнение. Наверное, так бывает с работниками зоопарков, которые входят в клетку к хищникам, чтобы убрать и покормить. Животные вроде приручены, но могут в любой момент напасть и разорвать. А мне покоя до сих пор не дают его слова, что я здесь для других целей. Пояснять Кайсынов ничего не стал, хотя я спрашивала, но настаивать не рискнула. Какие бы планы он ни вынашивал, это его проблемы. У меня свои планы на жизнь.

В университете Макар попадаетея в поле моего зрения, но

ко мне не подходит. Чувствую на себе его взгляд, вот чувствую – и все тут, морозец по коже пробегает, покалывает даже защищенные участки тела, но стоит обернуться или посмотреть на Кайсынова, он не глядит в мою сторону. Может, я себе надумываю?

Он редко бывает один, рядом неизменно кто-то крутится. Ну, крутятся в основном девушки, демонстрируя себя во всей красе, складывается ощущение, что предлагают товар. Брюнетка в такие моменты кладет ладонь на грудь Кайсынова, будто предупреждает «это мое, не трогать».

Из своих наблюдений делаю выводы – Макар закрытый человек, все это маска. Расслабленно общается только с несколькими парнями, тогда он другой, даже легкую улыбку можно поймать, если посчастливится.

В конце последней пары приходит сообщение, экран лежащего на коленках телефона загорается.

«Заберу после занятий», — Макар никогда не спрашивает, ставит перед фактом.

Злит невыносимо, будто у меня других планов не может быть. Два раза получилось найти отговорку, я сама приезжала к нему. Не хотелось, чтобы нас видели вместе, но это вопрос времени, как быстро расползутся слухи. Городок студенческий, тут все знают, кто такой Кайсынов. Меня вполне устраивало появляться в его доме часа на два, а потом возвращаться в общежитие. Макар подвозил меня, но я выходила у магазина за углом, делая пометку, что мне нужно что-

то купить, моя конспирация ничего не давала, нас все равно видели вместе.

«Приду сама. Мне нужно в библиотеку, подготовить на завтра конспект», — чистая правда. Макар прочитал, не ответил.

После пар забежала в общежитие, переделалась в удобный костюм. Прихватила зонт и куртку – кажется, будет дождь. В раковине стояли грязные тарелки. Марфа вновь «забыла» за собой убрать. Мы так и не помирились. Меня это не беспокоило. Я не чувствовала за собой вины.

Заглянув в холодильник, поняла, что перекусить мне нечем, а готовить некогда. На обратном пути нужно зайти в магазин за продуктами. В библиотеке пришлось задержаться. Хорошая половина курса пришла выполнить задание, а книга всего одна, как и работающий копировальный аппарат, возле которого уже толпилась внушительная группа студентов. Пока я дождалась своей очереди, на улице стемнело. Сев за стол, отметила маркером, что буду конспектировать. Закончила, когда на часах было почти восемь вечера, библиотека собиралась закрываться.

На улице накрапывал дождь, идти к Кайсынову не хотелось, но я ведь пообещала. Скажу, что устала, разве поймет? Не думаю, а портить с ним устоявшиеся ровные отношения не стоило.

Нажимаю на звонок, отмечая, что в окнах горит свет, а у ворот припарковано несколько дорогих машин. Желание

одно – сбежать. О том, что я работаю прислужкой в его доме, никто пока не знает, но сегодня все может измениться, если Кайсынов великодушно не даст мне выходной. Второй раз давить на звонок не стала, да и первый раз едва нажала.

Прошла, наверное, минута, а может, мне только казалось, что время летит, ведь я продолжала искать причину, чтобы уйти. Дождь вроде как сильнее льет, а зонт и куртка не спасают, мне никто не открывает. Щелчок замка останавливает дальнейшие метания.

— Почему так поздно? — я не могу понять его настроения, тусклого света недостаточно, чтобы разглядеть выражение лица, а голос звучит, как всегда, твердо.

— В библиотеке задержалась... — начинаю оправдываться, при этом не чувствую, что отчитываюсь перед работодателем, который может меня уволить. Усмиряю хищника – будет точнее.

— В следующий раз скажешь, что за книги тебе нужны, привезу. Нечего шляться по ночам. Почему не взяла такси?

Потому что такси в нашем городке стоит дороже, чем в Цюрихе, мне папа рассказывал. Если в Швейцарии это двадцать долларов за три километра, то здесь за километр столько возьмут. Мне легче пройти это расстояние пешком. Тут тебе и экономия, и прогулка на свежем воздухе.

— У тебя гости? — перевожу тему, не собираюсь объяснять, что у меня нет лишних денег. — Я лучше тогда пойду, не буду вам мешать, завтра выполню двойную норму, — с

надеждой в голосе и щенячьей преданностью в глазах, хотя вряд ли он это может разглядеть.

— В дом заходи, — кивает головой.

Мысленно делаю глубокий вдох, собираю зонт нажатием кнопки. Стараясь не задеть Макара, протискиваюсь в калитку. На мне теплый костюм и куртка, на нем домашние штаны и майка-борцовка, мне холодно просто смотреть на него.

— Ужинала? — уже в двери.

— Угу, перекусила, — пусть я и привыкла за эти дни не тратиться на еду и не готовить, но сегодня есть в его доме не собираюсь. — Я бы не хотела вам мешать, определи мне фронт работ, я быстро постараюсь закончить...

— Идем, — берет за локоть и ведет, сжимает не сильно, но если захочу, не вырвусь. Из дома доносится музыка, негромкие веселые голоса.

Мое появление привлекает внимание. Узнаю друзей Макара, часто вижу их вместе. Музыка льется из колонок домашнего кинотеатра, работает плазма, у Кайсынова она на всю стену. На столе сигареты, пиво, чипсы, какие-то морские закуски.

— Сегодня у тебя выходной, Золотинка, — тихо, чтобы только я могла услышать, при этом касаясь губами уха, пробуждая мотыльков в животе. — Злата, — лаконично меня представляет.

Оценивающие взгляды, кривые улыбки, которые не выглядят искренними. Парни особо не разглядывают, никаких

эмоций не выражают. Чувствую себя немного странно, я хоть и не отношу себя к роковым красоткам, но это впервые, когда в незнакомой компании так дружно игнорируют присутствие новой девушки. Может, они нетрадиционной ориентации? Вряд ли, но мысль интересная. Губы сами растягиваются в улыбку.

— Я переоденусь, — отходит от меня и, не дойдя до лестницы, стягивает майку. Я залипаю на его красивой спине и татуировке, теперь я знаю, что там схватка двух орлов и летящие во все стороны перья.

— Ты не предупредил, что у нас посвящение, — делая из горла бутылки глоток, тянет брюнетка, которая в универе старается держаться рядом с Макаром.

Знакомое в негативном контексте слово резонирует, бьет по натянутым нервам. Даже слышать ничего не хочу о посвящении. Я на него не соглашалась. Тут же всплывают в сознании слова Кайсынова о том, что я здесь для других целей, и если я узнаю о них, сбегу. Макар застывает на лестнице, оборачивается. Лицо напряженное, взгляд холодный и опасный, он пригвождает к месту...

# Глава 14

*Макар*

Ее нет. Сколько можно писать этот уеб\*\*\*й реферат? Маньяк во мне зло тянет ноздрями воздух, посматривает постоянно на часы. Готов сорваться, найти и притащить в свое логово. Тут должна мельтешить, запах свой шлейфом оставлять, касаться моих вещей своими руками. Я с утра все разбросал в гардеробной, чтобы задержалась подольше.

Сносит меня от нее. Как на дурь подсел, еще бы понять, с чего вдруг меня на ней замкнуло? Красивая – бесспорно. Губы офигенные, знаю, что вкусные, я с них яд готов жрать. Представляю, когда и как они познакомятся с моим членом. Хочу минет: неопытный, сырой, чтобы щеки от смущения покраснели... Тормознуть надо с этими мыслями, пока Воронкова на свой счет мой стояк не приняла. Пар спустить можно, но... нет. Не то. Другую девочку под собой представляю. С ровным носом, нежной кожей, ямочками на щеках. Ярко-рыжая. Не догадывается даже, какая в ней страсть бушует, нужно только разбудить. Огненная девочка. В глаза ее смотрю и ныряю с головой. Чистые, голубые, глубокие. Она сама вся чистая, только поэтому держу себя в руках. Приручу, научу, затрахую. Откидываю голову на спинку дивана, прикрываю глаза.

Первая встреча. Бля, на меня никто не смел так смотреть:

с вызовом, осуждением, сверкая глазами. Даже позже, когда донесли до нее, что я опасен для маленьких девочек и больших злых мальчиков, не сдалась. Видел ведь, что боится, а смотрит в глаза, вызов бросает. Упрямая, сильная, волевая. Не вышла, когда я к общаге подкатил. Злость адреналин по венам гнала, так до утра и просидел. Сигареты закончились, а я даже в магазин не отъезжал, знал, что выглядывает, чувствовал. В тот момент я готов был выпустить внутреннего зверя, наказать за дерзость, но сдержался. Теперь не жалею, ведь поломал бы. Я уже навел справки, знал, что не таскается ночью по клубам, не курит, не употребляет, не бухает, ни с кем не трахается. И мне вставило – конкретно так. Себе решил забрать. Подогнать под свои аппетиты. Не прет, как раньше, от секса без эмоций. Даже легкий изврат не цепляет. Хоть десять голых телок в постели окажется – не проймет, зафиналю и всех выставлю за дверь. Переел. А на рыжую торкает. Торкает так, что замыкает. Себе хочу!

Обычно друзья без предупреждения заваливаются, сегодня звонили, я сам позвал. Воронкова вообще здесь не в тему, будет сейчас из себя пантеру корчить. Давно усвоил, что секс без обязательств – тема для взрослых несвободных женщин, где мужик крепко держит бабками. Есть, конечно, исключения – работа, кинки, личная свобода, но среди малолеток это редкий феномен.

Воронкова как партнерша меня устраивала, пока в любви не призналась и не расплакалась на груди, о боли заговори-

ла, о том, что мои измены ее убивают. Какие, к херам, измены?! У нас свободные отношения! Были. Я могу и буду трахать всех, кого захочу. Не люблю от чего-то зависеть, от чужих чувств тем более. А тут вроде как обязан ответку дать, а в душе лишь гной разливается, будто нарыв рванул. Расстались перед каникулами, она все это время писала, звонила, типа на дружеской волне, но я вижу, что пытается поводок накинуть, только мне все это неинтересно.

Звонок. Меня отпускает, не замечал, что в затылке все это время стягивало от напряжения. Смотрю на нее, мокрого коленка напоминает. Среднего роста, но очень тонкая, хотя в нужных местах оформленная как надо. Стою, вдыхаю влажный воздух, ее запах. Улыбнуться хочется. С ней хочется, обычно нет. Желание обогреть и накормить заставляет двигаться в дом. Напрягает чужое присутствие. Ее одну хочу.

Говорит, что ела – не верю. К себе прижать боюсь, хрупкая, как статуэтка, раздавлю. Попытку сбежать пресекаю, завожу в дом.

Девчонки с интересом на Золотинку смотрят, пацаны взгляд в сторону отводят. Правильно, не нужно злить моего зверя. Несколько ебальников я уже разбил за скабрзные шуточки, Злата об этом не знает. В этой компании все свои, с первого курса вместе, им не нужно ничего говорить, сами все замечают, понимают.

Нужно скинуть влажную майку, надеть сухую. За минуту управлюсь, хотя вещи раскидал...

На лестнице торможу, услышав тупой гон Воронковой. Что за херня? Зверь встает на задние лапы. Она ведь все понимает, а провоцирует. На Златке лица нет, белая вся. Мля-я-я! Смотрит на меня своими большими глазами и захлебывается от страха. Правильно делает, что не верит, я чудовище, но другим обижать ее не дам.

— Ворона, со мной поднимешься, — не спрашиваю, перед фактом ставлю. Подпрыгивает, спешит, с губ не сползает пьяная улыбка. — Тим, — киваю на Злату, сам с рыжей не решаюсь заговорить, меня бомбят ее эмоции. В любое дерьмо с ходу верит.

— Кайс, неужели... в спальню? — задницей виляет, бедра поглаживает. Раньше заводило, сейчас мимо. Лиза задирает короткую юбку, оголяя ягодицы, между которых потерялась полоска трусов. Голод не тетка, а я мужик. Члену похрен кому присунуть, дергается в штанах.

— На колени, — жесткий приказ. Выполняет, опускается на колени, облизывает губы. В предвкушении. Плывет. Только меня это не заводит.

— М-м-м... — накрывает член рукой, ведет вверх-вниз. Достая телефон из кармана, позволяю ей стянуть штаны вместе с боксерами. Сотовый отправляю на кровать. — Мой большой мальчик, — облизывает головку, втягивает в рот. — Я уже мокрая, Макар, — причмокивая губами. Пытается взять глубже.

— Недостаточно... мокрая, — сжимая волосы в кулаке,

фиксирую подбородок и горло, начиная жестко вколачивать-ся. Сначала пытается расслабить горло и дышать носом, но быстро сдается. Слезы, сопли, слюни. Косметика потекла. Пытается оттолкнуть руками, боится задохнуться.

Откинув ее назад, тянусь за телефоном.

— Мерза, привет. Не отвлекаю?

— Я тебя слушаю, Кайс.

— К тебе сейчас приедет девочка, которой ты интересовался, — Лиза понимает, мотает головой. Фиксирую ее взгляд своим, подавляю.

— Воронкова? — тянет довольно гласные.

— Ты правильно понял.

— Есть границы?

— Да.

— Понял, брат.

Сбрасываю звонок.

— Я не поеду, — хриплым голосом.

— Поедешь. Будешь отсасывать Мерзе, твой рот только для этого создан.

Ее присутствие в моей спальне — наказание. Я не собирался ее брать и скидывать напряжение.

— Я не буду этого делать.

— Ты заговорила о посвящении в моем доме, пыталась меня нагнуть. Не устраивают условия, собирай вещи и съезжай из ВУЗа.

— Давай я тебе... как ты захочешь... — пытается схва-

тить за бедра, тянется открытым ртом к члену.

— Мне неинтересно твое предложение.

— Ты меня после другого не захочешь! — рыдает, размазывая слезы по лицу.

— Я. Тебя. Давно. Не хочу.

— Он у тебя стоит...

— Не на тебя, — сквозь зубы. Догадка на ее лице. В запале слетело с губ. — И прежде, чем еще раз открыть рот, подумай, чем это закончится для тебя. С этого дня ты не трешься рядом со мной...

# Глава 15

*Злата*

Он отводит взгляд, не глядя на брюнетку, зовет ее подняться с собой, а меня не отпускает. Ребята между собой переглядываются, общаются без слов, а мне их посыл непонятен, только чувствую общее напряжение.

— Пиво будешь? — смотрит на меня друг Макара, Шахов Тимур.

Его имя, как и имя Кайсынова, постоянно на слуху. Красивых и обеспеченных мальчиков полно в нашем ВУЗе, но мотыльков всегда тянет на огонь. Опасность возбуждает, только этим можно объяснить желание дурочек приручить хищников. Возможны исключения? Перед глазами две картинки с образом Макара – как он разговаривал с брюнеткой, и как он эти дни вел себя, когда мы были одни. Нотки тщеславия во мне говорят, что со мной он другой, но холодная разумная сторона подсказывает, что я не провоцирую его зверя, и лучше этого не делать, шепчет интуиция.

— Нет, — мотаю головой. Во-первых, я на работе, а во-вторых, не хочется в незнакомой компании употреблять спиртное. Хотелось бы понять, что они задумали. Отсутствие Макара и его девушки меня не успокаивало.

— Безалкогольное?

— Нет, спасибо, — я в курсе, что в напитки добавляют

наркотики, несколько скандалов было в школе, в которой училась. А если взять статистику по стране и умножить на пятьдесят, а то и больше, то получим приблизительную статистику подобных случаев. Ведь не каждая девушка заявляет об изнасиловании.

— Пойдем со мной, — Шахов поднимается с дивана. Я не чувствую от него агрессии, подлости, голос звучит ровно. — Заварю тебе чай, — когда мы входим на кухню. — Присягайся... и не бойся. Никто не собирается тебя спаивать. Ты замерзла, можешь заболеть, — он включает чайник, достает несколько коробок чая. — Ромашку нормально переносишь? — смотрит на меня, а я — подозрительно на коробку. Тимур подносит ее к моему носу, дает понюхать. — Это ромашка, — улыбается он. — Не слушай Лизу, она тебя стебанула, а ты жестко напряглась.

Верю. Страх медленно уходит, позволяя телу расслабиться.

— Не обожгись, горячий, — передо мной опускается кружка. Хищники могут быть заботливыми. Меня это качество и в Макаре не перестает удивлять.

— Спасибо, — тут, как назло, мой живот напомнил, что я сегодня почти ничего не ела, да и вчера не особо. — Извини, — пряча взгляд в стол. Мои щеки сейчас сгорят. — Некогда было поесть, — искоса смотрю на Тимура, он улыбается.

— Держи, — ставит передо мной сырную и мясную нарезку, нарезанный серый хлеб, зелень, нарезанные ломтиками

огурцы и помидоры. — Сама сделаешь себе сэндвич?

— Сделаю, — киваю.

— Мне тоже, если несложно, — отмечаю, что улыбка ему очень идет.

— Несложно, — первый бутерброд делаю ему, кладу побольше мяса, оставляю на краю тарелки, второй себе — сыр и зелень. Тимур заваривает себе кофе и садится напротив. Когда так делает Макар, мне сложно бывает расслабиться, с Шаховым легко, не чувствую напряжения. Он не сносит меня своей энергетикой.

Откусываю бутерброд и чуть ли не мычу от удовольствия. Как же вкусно! Тимур съедай свой быстро, делает еще пару, один кладет рядом со мной.

— Спасибо.

Стараюсь не думать о том, что происходит наверху. Но отмечаю, что мне неприятно уединение Макара и брюнетки. Не могу ее назвать Вороной даже мысленно. Чем бы они ни занимались, это не мое дело. Ни с кем особо не общаясь, я и то в курсе, что через постель Кайсынова прошло много или, точнее, очень много девушек. Девушки в столовой любят поговорить о мальчиках, размерах их членов, похождениях, подарках, деньгах...

Глоток чая, внутри разливается тепло. Вкус на любителя, но мне нравится. Я вообще за это время разучилась привередничать. Еда сама не появляется в холодильнике и на плите, а самой готовить некогда. Цены не позволяют покупать

полуфабрикаты или готовые блюда.

Женские всхлипы отвлекли от чая. Не задумываясь, действуя на инстинктах, я выбежала из кухни. Тимур, матерясь под нос, последовал за мной.

— Оставь, — положил он руки мне на плечи, пытаюсь удержать на месте.

— Что происходит? — брюнетка приостановилась, кинула в нашу сторону обиженный взгляд и понеслась к выходу. Лицо опухшее, заплаканное, тушь размазана, губы выглядели так, будто их долго и жадно целовали. Вряд ли это ее так расстроило бы, я видела, что она с удовольствием поспешила за Кайсыновым. — Что он с ней сделал? — озвучивая вслух мысли.

— Поговорил, — твердый ответ Тимура.

Ни он, ни кто-либо из компании, оставшейся в гостинной, на плач девушки никак не отреагировал. Никто не спешил ее утешать. А мне было неуютно. Разные мысли лезли в голову. Что нужно такого сказать, чтобы девушка убежала в истерике?

— Идем, чай остынет, — потянул Тимур за собой.

— Ее нельзя так оставлять.

— Злата, она бы тебя не пожалела. Сделай выводы и забудь. А теперь садись пить чай, — последнюю фразу чуть жестче.

— Нельзя бить девушек, — я не была в этом уверена, но не озвучить свои переживания не получилось.

— Он ее не ударил.

— Она плакала.

— Есть другие способы наказать и поставить на место.

— Какие? — зачем мне это знать? Нужно. Просто нужно, чтобы не бояться Макара.

— Можно надавить морально, — через ободок кружки ловлю его взгляд. Кайсынов мастер морального давления. То же самое он проделывал со мной. А может, с ней он был более жесток?

Вкуса чая я уже не чувствую, но допиваю до конца. В кухню входит Макар. Переоделся. Волосы и кожа еще влажные после душа, будто он не успел вытереться. Я замечаю их молчаливый диалог с Тимуром.

— Мы пойдем уже, есть планы на вечер, — произносит Шахов. Кайсынов не заполняет тишину разговором, пока его друзья собираются и уходят. Молча пожимает руку парням и позволяет обнять себя девушкам.

— До завтра... Увидимся... — прощаются они у дверей, он не идет их провожать. Лишь Тимуру говорит:

— Захлопнешь калитку.

Мы остаемся одни...

# Глава 16

*Злата*

Мне хочется спросить, что произошло наверху, но не решаюсь. Вряд ли мне понравится ответ, если он будет, а вызывать его гнев, тем более, когда мы наедине, и я никак не могу себя защитить – неразумно. Чувство, будто зависла на высоте с парашютом, а я не готова прыгать, но могу полететь, если спровоцирую.

— Уберешь мою гардеробную? — приподнимая бровь. — А то там ничего не найти.

— Я не знаю, как ее убрать, чтобы ты мог легко отыскать нужные тебе вещи, не наводя там бардака, — не пытаюсь скрыть непонимание. Взрослый парень ведь, в доме порядок, на кухне все поверхности чистые, посуды грязной в раковине нет, откуда такая маниакальная потребность переворачивать гардеробную? Конечно, появляются подозрения.

— Я нахожу, но долго не могу выбрать, что надеть, — парирует, не задумываясь, но все равно есть ощущение, что это игра, а я не люблю чувствовать себя мышкой, загнанной хищником в угол. Мне противостояния с Меленчуком хватает, там я тоже не знаю правил игры, и меня это напрягает, сложно после таких выпадов собраться и погрузиться в учебу.

— У тебя кто-то убирается? — спрашиваю прямо, огля-

дываясь, будто надеюсь увидеть несуществующую пыль.

— Нет. Я же говорил, — руки в карманах, он стоит напротив, привалившись к стене, смотрит на мои губы.

Этот взгляд тяжелый, он давит, но по телу пробегают мурашки. Волнительно. Напряжение другого рода, такое бывает, когда парень первый раз тянется тебя поцеловать или ты проникаешься красивым эротичным моментом в фильме.

— Идеальная чистота, — специально увожу взгляд в сторону, будто он и эти мысли может уловить.

— Система очистки воздуха, — не задумываясь. Пожимает плечами, будто это само собой разумеющееся. Я никогда с таким не сталкивалась и не знаю принципа работы системы, поэтому придется принять на веру.

— Больше ничего не хочешь спросить? — уточняет, улыбаясь одними губами, взгляд при этом не меняется.

Надеюсь, правильно поняла, о чем он сейчас говорил. Думаю. Стоит заходить на его территорию или нет? Это как войти в личные границы, не уверена, что мне будет там комфортно, лучше оставить наши отношения в прежнем формате, я прихожу только убираться. Но мне сложно будет не думать о сегодняшней ситуации, хочется прояснить. Я еще несколько секунд выждала, прежде чем на выдохе произнести:

— Хочу. Почему она плакала? — реакцию долго ждать не приходится, он не ждал этого вопроса, понимаю я. По лицу Макара прошла судорога, ноздри пришли в движение, скулы

дернулись, потому что он сжал зубы, веки спрятали глаза. Несколько секунд прошло, прежде чем он вновь заговорил.

— Не думал, что ты об этом захочешь спросить, — уже владея собой. Интересно, какого вопроса он от меня ожидал? Когда на твоих глазах заплаканная девушка выбегает из дома, не получается думать о чем-то другом. Да я даже предположить не могу, что там нужно было спросить.

— О Воронковой не думай, не твоя забота, — жестко отрезает. — Никто тебя «посвящать» не будет, — выделил слово с нажимом. Я это уже от Шахова услышала. Значит, у них случился жесткий разговор в манере Кайсынова — ударить по самым болевым точкам. А он умело находит их в противниках. Помню по себе.

— Хорошо, я тогда уберусь, нужно в общежитие успеть вернуться, еще реферат доделать, — скороговоркой. Делаю два шага в направлении лестницы, но следующие слова заставляют замереть напротив него.

— Можешь сегодня остаться у меня, — голос его изменился, в нем появилось что-то тягучее, горячее. Хочется отсюда бежать. — Я тебе не трахаться предложил, а переночевать, — с резко вернувшимся раздражением. — Если бы хотел взять силой — давно бы взял. Не думай так громко, бесит, — сжимает зубы.

— Обязательно быть таким грубым? — прежде чем успеваю прикусить язык.

— Тебе не нравится слово «трахаться»? — выгибает из-

девательски бровь. — Мужики обычно трахаются, Золотинка, любовью занимаются телки.

— Можно сказать «секс», — как он умудрился втянуть меня в эту тему? Теперь наше уединение кажется еще более откровенным, это нервирует.

— Я позволю тебе меня исправлять, когда мы наедине, если ты мне что-нибудь дашь взамен, — спокойный голос, лицо, не выражающее эмоций, но я где-то на подкорке понимаю, что он тягивает меня в умело расставленную ловушку.

— Что? — пересохшими губами. Вместо того, чтобы сказать — «мне неинтересно», я добровольно вхожу и жду, когда захлопнется решетка. Но внутри меня есть четкое ощущение, что он в этой игре не выиграет. Мы можем оба проиграть...

# Глава 17

*Макар*

Слово «секс» Золотинка произносит, краснея, смущается до безобразия красиво, чем сильнее заводит. Я намереваюсь и дальше произносить пошлые словечки, выбивать ее из привычного уютного мирка, потому что мне нахрен не сдались ванильные отношения. Гулять полгода под луной, болтая о всякой ерунде, а думать лишь о том, как уложить ее в постель, потом целовать на пороге общаги и прочить полночи, чтобы вырубиться и не думать. А сексом на горизонте запахнет, когда надену кольцо на палец. Не моя тема.

Мы будем трахаться, Золотинка. И очень скоро. Тут без вариантов. Вынужденное воздержание и так бьет по мне, срывает контроль с цепи. Ты рядом, а я тебя не трогаю, мои руки еще не залезли тебе в трусы, и это пи\*\*\*ц как странно.

Не думать, не представлять, какая она там, потому что это контрольный в голову по моей выдержке. А я не хочу беспредела. Мне нужна отзывчивая, податливая девочка в постели, а не запуганная и зажатая, готовая сорваться в истерику. Да и насилие – не моя тема. Телки подо мной если и кричат, то от удовольствия. В сексе я не эгоист. Мне в кайф, если девушка кончает, но у меня есть пределы, которые я не переходил – куни. Никогда не делал, брезговал, но Златку хочется попробовать, чтобы кончила на моем языке. Это же-

ление не напрягает и не раздражает. Будет честно, если мы лишим друг друга девственности.

— Я позволю тебе меня исправлять, когда мы наедине, если ты мне что-нибудь дашь взамен, — нечестный обмен, хрен я изменюсь и буду следить за речью, но Злата ведется, соглашается, понимаю раньше, чем она произносит:

— Что? — волнуясь. Правильно, девочка, нужно было от меня бежать, не втягиваться в мою игру, а теперь поздно, ты шагнула на мою территорию. Попалась.

— Твои губы, — округляет глаза, а я уже рядом, прижимаю к себе. — Т-ш-ш, — торможу инстинкты: без жести, а то напугаю. Упирается кулачками в грудь, могу переломить, такая она хрупкая. Легко преодолевая сопротивление, мягко касаюсь губ. — При тебе буду стараться фильтровать речь, но не обещаю, что сразу исправлюсь, — я сейчас готов пообещать что угодно, чтобы получить доступ к ее телу.

— Можешь продолжать употреблять обценную лексику, — пытается отклониться, глаза горят от возмущения. Не понимает, ее эмоции — чистый кайф, крепче подсаживает на себя. Своими эмоциями она меня запредельно драконит. Плетет такую крепкую цепь, что ее не разорвать. Не позволю ей уйти.

— Поздно, Золотинка, я уже согласился на твои условия, — в глазах вспыхивает возмущение, хочется засмеяться. Вот и сейчас фейерверк в груди от ее взгляда.

— Я ничего... — закрываю ее рот своим. Нефиг тратить

энергию на бессмысленный спор, я твоему ротику нашел лучшее применение.

Губы мягкие, пухлые, вкусные. Срываюсь, жестко мну, вынуждаю разомкнуть зубы, врываюсь языком на желанную территорию. Съесть ее хочется... я и не отказываю себе в удовольствии. Златка обмякла и несмело отвечает. Твою... Да! Да! Давай, моя девочка.

Забываюсь, вдавливаю в себя, упираюсь эрегированным членом ей в живот. Мля-я-я... Тушите свет, я ее сейчас возле стены возьму. Нехрен быть такой вкусной, манкой, сладкой! Не сразу осознает, что разбудила голодного до нее хищника, но как только понимает, что за палка трется о ее живот, пытается отстраниться.

— Т-ш-ш. Дальше поцелуев не зайду, — голос звучит так, будто без остановки пачку сигарет выкурил. — Не обижу, — скорее себе напоминаю, что в моих руках чистая, нетронутая девочка.

Надо узнать, насколько нетронутая, но судя по тому, как невинно отвечала на поцелуй, нет там вообще никакого опыта. Губами прохожусь по виску, щеке, целую уголки ее губ. Зарываюсь носом в ямку у шеи, вдыхаю сводящий с ума запах: чистого весеннего ветра и теплых летних ягод. Чуть сильнее сдавливаю, инстинкт пометить ее своим запахом, смешать их... тут надо тормознуть, а то я ее собой помечу.

— Ты же понимаешь, что между нами все будет? — удерживая в ладонях лицо, произношу, глядя в глаза.

— Что будет?.. — теряется. Глаза свои красивые распахивает, утягивает в омут. Не умею я ходить кругами. Обороты бы сбавить, но я понимаю, что контроль у меня не титановый, пусть осознает.

— Секс, Золотинка, — твердо. — Моей будешь...

## Глава 18

*Злата*

Сию в комнате в полной темноте, даже ночник не включила. Я, конечно, уже взрослая девочка и все прекрасно понимаю... кроме того, как позволила Кайсынову зайти так далеко. Макар не приемлет отказов, он просто поставил перед фактом, что мы с ним будем заниматься сексом. Хорошо, что время не обозначил, за какое время я должна смириться с этой мыслью.

— Я здесь только д

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.